

Бер (Борис) Абрамович Шейнин

Моя жизнь. Революция, Англия, Советская власть

Публикация Оскара и Леонида Шейниных

Берлин
2018

Оглавление

1. Предисловие
2. Год 1917-й
  - 2.1. Февральская революция в Москве
  - 2.2. Октябрьский переворот
3. Биография
  - 3.1. Начало пути
  - 3.2. Гражданская война
    - 3.2.1. Киев и его дальние окрестности
    - 3.2.2. Академия Генерального штаба. Разведка
    - 3.2.3. Гидросамолёты. Ранение и контузия
  - 3.3. Англия
  - 3.4. Москва довоенная
  - 3.5. Защита научной чести и достоинства
  - 3.6. Война. Служба в Германии
  - 3.7. Москва послевоенная
4. Послужной список
5. Научная работа
6. Итоги
7. Приложение № 1. Биографии некоторых известных лиц
8. Приложение № 2. Охота
  - 8.1. Охотничьи рассказы
    - 8.1.1. Об охотничьей этике
    - 8.1.2. На лося

Бер (Борис) Абрамович Шейнин в Лондоне в конце 1920-х годов

1. Предисловие

Первое издание этой книжки вышло в 2006 г. Второе было полностью переработано, поскольку мы добавили много нового материала, выделенного из громадной кипы, оставленной отцом. Отделить текст отца от наших добавлений не всегда оказалось возможным. Тексты гл. 2, § 10.1 и, конечно, § 3.5.1 полностью написаны им, а § 3.3 и гл. 6 – нами, гл. 7 – Вячеславом Демидовым; его же примечания в основной части книги помечены инициалами В. Д. Оговоримся: авторство § 2.2 нельзя считать безусловно отцовским; см. соответствующее пояснение в гл. 6. Нынешнее издание лишь незначительно отличается от второго.

Ссылки типа [1] относятся к списку опубликованных статей отца. Разбивка текстов на главы и параграфы произведена публикаторами.

Воспоминания о Феврале 1917 г. в Москве и об Октябре того же года в Москве написаны карандашом, видимо, непосредственно по следам событий, как записки для себя. Другие автобиографические документы напечатаны на пишущей машинке спустя 50 и более лет.

Он же в 1974 или 1975 г.

Сокращения

ВРК = Военно-Революционный Комитет

ВЦИК = Всероссийский центр, исполнительный комитет

ВЧК = Всероссийская чрезвычайная комиссия (1917 – 1922) по борьбе с контрреволюцией и саботажем

ГПУ = Гос. полит. управление при НКВД РСФСР (с 1934 г. до образования ОГПУ в масштабе СССР) по борьбе со шпионажем, контрреволюцией и бандитизмом, бывшее ВЧК

Губ = губерния, губернский

Наркомат = Народный комиссариат (министерство)

НКВД = Наркомат внутренних дел, управлял милицией

НКТП = Наркомат тяжёлой промышленности

ОГПУ = Объединённое (в пределах Советского Союза) ГПУ при Совете народных комиссаров СССР, фактически возглавляло НКВД

Продком = продовольственный комитет

ПУР = Политуправление РВСР

РВСР = Революционный военный совет республики

РККА = Рабоче-крестьянская красная армия

РСДРП = Российская социал-демократическая рабочая партия

РСФСР = Российская советская федеративная

социалистическая республика; названа так в январе 1918 г. на 3-м съезде Советов

СРД = Совет рабочих депутатов

Совнархоз = совет народного хозяйства

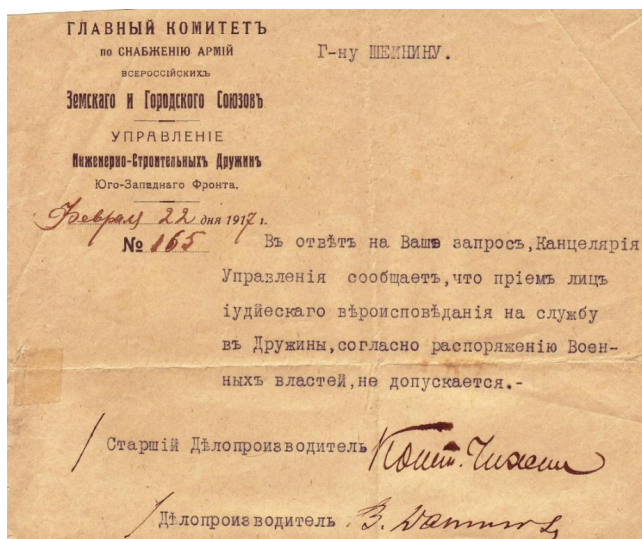
ЧК = см. ВЧК

Примечание. Слово *советский* вошло в обиход во время революционных событий 1905 – 1907 гг., первоначально же оно

применялось по отношению к Советам университетов. К 1917 г. оно стало пониматься ещё более расширенно (см. РСФСР) и тогда же, видимо, возникло уничижительное словообразование *Соведения* (= страна Советов депутатов). Смысл советов как органов государственной власти состоял в том, что в них (позднее) участвовали только люди физического труда.

2. Год 1917-й

2.1. Февральская революция в Москве. 26 и 27 февраля 1917 г. Петроградских газет (почти) не было. Была напряжённая атмосфера и чего-то ждали. 28 февраля утром одновременно с получением известия Инж. Стр. Др[ужины] о недопущении евреев на фронт [см. фото] узнал весть: Государственная дума распущена.

Немедленно я с товарищем направились в Институт¹ узнать, что предполагают делать студенты. Читались лекции. Около аудиторий толпились кучками, о чем-то спорили, волнуясь и жестикулируя. “Надо устроить забастовку протеста, больше терпеть нельзя”, – слышались отдельные возгласы. Решили привлечь весь Институт. Никаких сведений со стороны не имелось. Примкнут ли к забастовке все учебные заведения или мы останемся в одиночестве? Как смотрят рабочие, что думает Студенческий комитет, никто не знал. Стали шуметь – мешать лекциям, чем вызвали недовольство слушателей. Потом удалось объяснить профессорам, в чем дело, и лекции были прерваны.

Часть студентов осталась в Институте – привлечь всех к забастовке, но большая [часть] решила отправиться в Университет (человек сто). Чтобы не возбуждать подозрений у спокойно стоящих городских, мы шли группами пешком (не помню, возможно, что трамваи не шли) через Тверскую к Моховой. На дворе Университета уже стояли группы, оживлённо беседовали. В Университете мы нашли немного студентов, но за это время (было уже около 12 часов) подошли одиночки и собралась внушительная толпа человек в 1½ тысячи.

Направились во двор Университета, что по Б. Ник[итской] [в советское время ул. Герцена].

Опасаясь, что нас запрут воротами, мы решили удалить створки оттуда и снять их. Дело было нелёгкое (ворота железные). Без инструмента, при помощи палок сняли их, отнесли вглубь двора и бросили в снег. Выступило несколько ораторов, но за обычным шумом и общими предложениями трудно было слышать. Раздался чей-то возглас: “Рабочие с Замоскворечья идут к Ильинке! Пойдём туда, пойдём!” Пойдём!”, подхватила толпа и всей массой хлынула на улицу с пением революционных песен.

Обогнали шедшую откуда-то команду человек 10 с унтер-офицером. “Вы за кого?” – посыпались вопросы. – “За нас? Бросай винтовки!” Смущённый унтер, красный как рак, оборачивался и продолжал движение. Подойдя к Охотному Ряду, голоса разделились: пойти ли на Ильинку по Театральной или с Красной Площади? Решили с Красной. Направились по Тверской к Воскресенской площади [в советское время пл. Революции].

В это время подошли группы рабочих со знамёнами (без надписей) и скоро вся площадь была запружена народом: и студентами, и рабочими, и просто интересующейся публикой. Устроили митинг, на котором ораторы предлагали действовать организованно, вместе с Городской Думой принять власть в городе. Другие требовали разбить оружейные магазины и достать оружие, организовать полицию Думы.

Неопределённость положения усугублялась отсутствием вестей из Петрограда. Полиция к тому времени исчезла, но напротив Воскресенской площади (около сада при Кремле) выстроилось два взвода конной жандармерии и полиции под командой штабс-капитана и 2-х поручиков. Они подъехали ближе и стали напирать лошадьми, требуя сначала разойтись, а потом – только убрать красный флаг с подъезда Думы [Центрального музея Ленина]. Ни то, ни другое требование не было удовлетворено, и жандармерия, с которой многие вступили в разговор: “Неужели вы против народа? В кого стрелять будете?” и прочее, отошла назад, к саду, выстроилась и с разгону ринулась в толпу.

“Стой, товарищи, стой!” – кричали все, но посторонняя публика усилила натиск, убегая из толпы, чем расстроила ряды. Конница проскакала. На площади не оставалось народу, он отхлынул на Тверскую и Театральную площадь. Вся площадь была усеяна шапками, шляпами, галошами, книгами и проч. К счастью, никто не пострадал. Не знаю, чем объяснить это: через меня проскакала лошадь, не задев. Многие падали из-за сколотого снега, не убранного в кучу. Во всадников посыпались комья плотного снега, коими сбита фуражка штабс-капитана (он был за 2-й шеренгой), и отделившиеся 6 человек под градом льда ускакали по направлению к Большому [театру] под гик и свист толпы. Характерно, что кто-то из отброшенных в сторону поднял фуражку капитана и подал ему.

Площадь снова наполнилась, и всадники опять проскакали на прежнее место с тем же результатом. Минут через пять митинг продолжился. Передавали, что какой-то жандарм отдал приказ стрелять, но это не выполнили. Жандармерия отошла к проездам

на Красную площадь, заняла их, а часть их, спешившись, отошла к внутренней стене Думы со стороны Красной площади. Ни у кого из толпы не было оружия, и решено было направиться в казармы (Спасские), привлечь солдат.

Огромная толпа направилась по Сретенке на Сухареву площадь. Подойдя уже к воротам казарм, послышался [услышали] выстрел. С испуга толпа шарахнулась, и опять масса шапок, галош и проч. С течением времени, осмелевши, снова подошли к воротам. Оказалось, что стрелял часовой в воздух и убежал во двор. Стояло 2 – 3 взвода солдат в полном боевом вооружении при массе офицеров. Все же остальные солдаты были заперты в казарме. Стали бросать нам записки, предлагая достать лестницу и залезть в окна. Зашедшая во двор часть предлагала и даже насильно втаскивала туда других, чтобы чувствовать себя смелее. Отдельные лица входили, но вся масса держалась поодаль, выжидая. Прошло не более часа, как Сухарева площадь у Спасских казарм была перерезана со стороны Красных Ворот полуротой солдат шеренгами: 2 шеренги, промежуток шагов в 20, опять так же и т. д. То же самое у самой Сухаревой башни.

Обратился к прапорщику первой шеренги: “Неужели будете стрелять?” – “Не знаю”. – “Есть у вас какой-нибудь приказ?” – отмолчался. Обратился к солдатам с тем же вопросом. “Не знаем, а если прикажут стрелять, не будем”, – но настроение было неуверенным. Шли переговоры с запертыми солдатами и команд, сост. Заручились согласием помощи со стороны запертых. Офицеры же твердили: “Наше дело сторона”. Так простояли мы во дворе до 6 – 7 часов. Темнело. Изрядно продрог, проголодался и отправился, отыскав товарищей, домой. Так кончился первый революционный день. Многие уходили, приходили новые, и так продолжалось всю ночь.

29 февраля [?] вышел рано утром (на Долгоруковскую [долгое время называлась Каляевской]), встретил мчащийся легковой автомобиль с вооружёнными людьми. Недоумевал: свои или правительственные? Так же относилась к нему и публика, но решив, что это свои, я с двумя товарищами захватил автомобиль Земского союза, остановившийся у подъезда, несмотря на протесты шофёра, коему я пригрозил выбросить из автомобиля и самому поехать (я – шофёр), заставил ехать к Садовой. На углу Садовой и Долгоруковской стоял взвод с оружием при 3-х офицерах. Мы выскочили из автомобиля, стали отнимать винтовки у солдат, те не давали, вступили в спор. Подоспевшие студенты и рабочие оттеснили офицеров и часть солдат вовнутрь Долгоруковской аптеки. Оставшаяся часть слабо сопротивлялась и отдала винтовки. Вооружённые, мы уже бросились в аптеку и стали разоружать оставшихся, выводя их поодиночке на улицу. Прапорщики же стали за прилавком, приставив револьвер к виску, и заявили, что покончим с собой, а оружия не сдадим.

Видя бесполезность разговора с ними ввиду [имевшихся] в достаточном количестве людей для обезоруживания, решили ехать дальше. Остановили грузовую автомашину, вёзшую мусор, счистили его, поместили человек 20 вооружённых людей. Я поместился на крыльях, и поехали под крики “Ура!” на

Воскресенскую площадь, по дороге захватывая легковые автомобили и даже собственные выезды² и разоружая одиночных постовых-солдат (вероятно, полиция заменила ими постовых).

Тверская, прилегающая к площади, была запружена народом. С трудом пробрались на площадь. Новость: солдаты Спасских казарм перешли на нашу сторону, но громадное большинство их без оружия, автомобилей грузовых ничтожное количество. Решили ехать в почтамт на Мясницкую за автомобилями.

По улицам толпы народа, почтамт закрыт, в гараже машины стоят, шофёров нет. Разыскали заведующего – отказывается дать автомобили – испорчены и шофёров нет. Приставил револьвер (где-то я его раздобыл) к виску: “Не дадите – пристрелю!” – подействовало, нашлись три машины исправные и 2 шофёра, третьим я стал. Но в это время нашёлся и 3-й [4-й] автомобиль. Разделились. Три поехали на Воскресенскую площадь за инструкциями, я же приказал ехать на Каланчёвскую, Краснохолмскую и к Техническому училищу (гараж В.З. С.³), в мастерские тяжёлой артиллерии, с 10 человеками при винтовках.

Помчались в ту часть города, где ещё не происходило движения. Не зная настроения, не зная положения вещей. Мы подъехали к Красным Воротам. Чем дальше от центра, тем безлюднее становились улицы. Изредка 1 – 2 прохожих, и снова ни души. Свернули по Садовой к Покровке [долгое время называлась ул. Чернышевского]. Каждые 100 саженей автомобиль останавливался для разоружения постовых солдат. Некоторые после окрика: “Стой! Сдавай винтовку!” под дулом направленного против него ружья сдавали моментально и даже патроны сами вытаскивали из подсумка. Другие же, чувствуя нашу недисциплинированность, продолжали стоять и приходилось силой отнимать. Наконец, были и такие (вблизи казарм), которые, завидя наш грузовик, бросались в подворотню.

Разоружив около 2-х десятков, из них несколько село к нам в автомобиль, имея достаточно оружия, решили ехать через Каланчёвскую площадь. Около моста взвод солдат. Опять та же команда. Но солдаты на автомобиле не сразу берут на прицел. Опускают винтовки, нерешительно действуют, а прапорщик отказывается сдать оружие. Потеряли на месте двадцать минут на разоружение, причём пришлось увести отдельно прапорщика, а потом уже разоружать. Кончили, и при восторженных криках собравшегося народа умчались дальше.

На углу Немецкой улицы нам сообщили, что в одном из домов засела полиция. Подъехали. Стоя направили винтовки в окно дома. Но не решившись действовать в упор – была невыгодна наша позиция – проехали. Характерно, что в некоторых очередях следили за порядком городовые, и чем дальше от центра, тем их было сравнительно больше. Постовых солдат не видно было. Один из городовых – старый – остался стоять и при нашем приближении. Отобрали шашку, обыскали – не стоило возиться, брать с собой, – отпустили. Так приехали мы к Техническому училищу. Везде разоружая встречавшихся, как отдельных лиц, так и караулы, что везде встречало шумный восторг со стороны публики. Захватив по дороге легкой автомобиль, нагрузили его винтовками, поехали обратно (вода в радиаторе стала кипеть). На

Каланчёвской площади ни души, лишь при входе на вокзал человек двадцать ... штыки ... мы проехали около ... казачий разъезд ... отвечал уклончиво. [Часть листа утрачена.] свою часть на Красную площадь. Там все солдаты собираются. Он отказался. Подошедшая группа заставила слезть его с лошади. На неё сел молодой прапорщик с маленьким красным флажком (которого тоже почти насильно усадили). Смущённо держал флаг, повёл казаков на Красную площадь. Мы, пересев в другой автомобиль, поехали к почтамту. Там уже было полно народа. Решили, не знаю кто, когда, но так быстро воспринималось каждое подходящее предложение, что казалось, действительно есть приказ. Решили взять почтамт. К тому времени с быстротой молнии облетела новость: в Петрограде Арсенал в наших руках. Народ ликовал. Подступили к воротам. Освободили один грузовик, хотели пустить в ворота. С внутренней стороны подошёл офицер, вступил в переговоры и, наконец, в почтамт вошло человек тридцать с винтовками при нескольких офицерах. Почта и телеграф были в наших руках. К Красной площади к вечеру стали стекаться все части гарнизона (или большинство из них), коих удалось разоружить (без кровопролития). Товарищи передавали лишь, что в Замоскворечье было несколько схваток с отдельными командами, не пропускавшими мелких манифестантов. Заканчивалось при бегстве команд все-таки несколькими ранеными и убитыми. Начались обыски в [полицейских] участках, где, кстати, к тому времени никого уже не было. Причём они не занимались, а группа приходила, обыскивала, уходила. Через минут десять – другая, и так в течение двух дней. Мне пришлось видеть, как в одном из таких участков после посещения исчезли не только пепельницы и ручки, но даже и целые полки книг. Ночью известие: Николай II отказался от престола в пользу сына своего.

Всю ночь толпами бродили москвичи по улицам, но порядок был образцовый. В последние дни каждое высшее учебное заведение выделило десять “милиционеров”, ведавших охраной определённого района. Сначала оружия было достаточно, но, по мере возрастания числа десятков, оружие приходилось брать на Моховой, где этим ведала студенческая столовка. Я работал в этих десятках три дня (состоял начальником пяти десятков). Шли непрерывные почти собрания. Решили прекратить занятия и разъехаться по провинции [по провинциям], откуда приехали (студенты), потому что за эти дни было спокойно в Москве и ночью. Почти не слышно было выстрелов (по крайней мере в моем районе). Редкий выстрел привлекал внимание десятка, и он спешил выяснить, кто стрелял. Не помню (кажется, на третий день), придя на Красную площадь, увидел лёгкие орудия, поставленные против гостиницы Националь и Манежа, где засели полицейские. Но без выстрела они сдались. Было взято большое количество винтовок, патронов и охотничьих ружей (там помещалось какое-то общество охоты).

Следующее ... движение ... началось ... центра откр ... [нрзб] Москвы в самые критические моменты не только не выступили с оружием против существующего строя, но оставались пассивными, порой оказывая сопротивление при разоружении,

что отчасти объяснялось присутствием командного состава (после его удаления солдаты давали себя охотнее разоружать, тоже не всегда).

Рабочие были все не вооружены. Группы манифестантов в первые дни были, сравнительно с числом рабочих в Москве, незначительны. Полиция с первого же дня не была подготовлена к возможности вспышки, растерялась. (28 февраля утром появилось объявление Шебеко⁴ об осадном положении.) Уже с полудня не было видно больше городских. В городе лишь изредка конные в боковых улицах.

Ночью часов в 9 я сел на грузовик с Воскресенской пл., предназначавшийся для перевозки политических заключённых из Бутырской тюрьмы, в которую вошли уже днём. И только к вечеру из-за противодействия уголовных можно было приступить к освобождению. Сажали их по 20 – 30 человек на автомобиль. Почти неодетые, некоторые без шапок (были 2 – 3 женщины). Без какого-либо “имущества”: кружка, свёрток величиной с кулак, вот и всё. Многих приходилось всаживать на руках: от истощения и радости они не имели сил взобраться. Один из них отбивался: “Пустите, сам” – видимо, он был огорчён, что не хватает сил влезть. “Давайте оружие, мы будем сражаться”, заявляли они. – “Мы погибнем, но не допустим старого”. Пришлось много и долго успокаивать их, что почти всё сделано, и если понадобится их помощь, им скажут. Они умолкали, но видно было, не отказались от своей мысли. Их мозг лихорадочно работал. По дороге группа обезоруживала пьяного офицера. Арестанты заволновались, пытались слезть с автомобиля. При сильном пронизывающем ветре и холоде, стоя (не было места сидеть) проехали обратно [на Воскресенскую площадь] в Думу, где их кормили; автомобиль не задерживался и следовал за следующей партией. Окружённый толпой, спрашиваю, сколько сидят, за что и проч., те охотно отвечают (некоторые сидят по 10 лет и больше). Снова шум и возня при посадке, снова [упорство?], и так до поздней ночи. [Запись заканчивается]

Примечания

1. Несомненно Рижский политехнический институт, который из-за военных действий был переведён в Москву и слит с Московским техническим (позднее, высшим техническим) училищем. Расположен он был, однако, обособленно, что следует из дальнейшего описания событий. В. Д.

2. Конные экипажи на 1 – 4 седоков. В. Д.

3. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. В. Д.

4. В. Н. Шебеко (1864 – 1943), генерал-лейтенант императорской свиты, флигель-адъютант, был назначен московским градоначальником по желанию императрицы Александры Фёдоровны. В. Д.

2.2. Октябрьский переворот. 25 октября в 2 часа дня прекратили юнкера Петроградской инженерной школы прапорщиков¹ занятия и собрались в большом гимнастическом зале для обсуждения текущего момента в связи, как передавали, с [требованием] Генерал-Губернатора выступить в защиту Временного правительства. Страсти разгорелись на собрании, и в конечном итоге была принята всеми против 37, в том числе солдат нестроевой команды, резолюция в защиту Временного правительства.

В 3 часа вся школа стояла, выстроившись под ружьём, во дворе школы, и спустя минут 10, получив по 3 патрона на каждого в подсумок, с незаряженными [винтовками] двинулись в полном составе во главе с начальником школы и курсовыми офицерами. По Фурштадской пересекли Литейный и по набережным мимо Летнего сада подошли к площади Зимнего дворца. Первая рота (всего в школе 2 роты) сейчас же пошла к Морской с целью занять телефонную станцию. На улицах было тихо, лишь у Дворцовой площади нас встретили недружелюбными возгласами, ироническими замечаниями небольшие кучки народа.

Вторая рота осталась, поставив винтовки в козлы, стоять перед Зимним дворцом. Не прошло и пяти минут, как откуда-то раздалась беспорядочная ружейная стрельба. Мы кинулись к козлам, разобрали винтовки и устремились в главные ворота дворца, ибо было немислимо оставаться под огнём без патронов в винтовке. Стрельба прекратилась, площадь вся опустела, вскоре вернулась и ушедшая рота. Оказалось, что они были встречены интенсивным ружейным огнём из-за баррикад (опрокинутых грузовиков с посылками), преграждавших улицу. Имея по три патрона, да и те в подсумках, они вынуждены были, заряжая на ходу винтовки, отступить, ибо не ожидали присутствия вооружённого противника. Потерь не было.

Во дворце находилось всё Временное правительство, исключая Керенского, уехавшего накануне. С нашим прибытием состав защитников Зимнего дворца стал следующим. Вся наша школа – около 425 человек. Северная школа прапорщиков – около 400 чел. Солдат ударного батальона около 70 человек, две сотни казаков при 4 пулемётах и Женский батальон смерти² с числом 120 – 140 чел. Нужно ещё упомянуть про 6 трёхдюймовых орудия с ограниченным числом снарядов при прислуге из юнкеров Михайловского артиллерийского училища, да у одних ворот стояла броневая машина, так и не работавшая всё время, – к ней никто и не подходил. Была ли она испорчена или забыли про неё, не знаю. Нам раздали добавочно ещё по 15 патронов и оставили стоять во дворе. Через некоторое время подъехало один за другим 2 легковых автомобиля, из которых выгрузили несколько ящиков с наганами, а автомобили уехали обратно. Комендантом Зимнего дворца был назначен Начальник инженерной школы – полковник Ананьев.

Солдаты ударного батальона – мальчишки 15 – 16 лет, ободранные и в лаптях, побросали винтовки и ушли искать воинского начальника, объяснив, что их пригнали для

обмундирования и отправления на фронт, а здесь даже поесть не дают. Надо сказать, что во Дворце не было не только каких бы то ни было запасов, но даже и фунта хлеба.

Был отдан приказ построить баррикады вокруг Дворца из дров, лежащих на площади кругом Дворца. Баррикады выходили примитивные, но лучшего ничего нельзя было сделать. Начались неудачи. Целый взвод, работавший в стороне, был окружён солдатами, и под угрозой забросать ручными гранатами, они принуждены были сдаться. Их куда-то увели. Был получен телефонный приказ (оказавшийся впоследствии от комиссара [Правительства комиссаров, тогдашнее название Совнаркома] начальнику Михайловского артиллерийского училища вернуться с 4 орудиями в училище, причём намечался маршрут – Невский, Литейный (ближе и безопаснее была набережная Невы до Литейного моста). Не успели они въехать на Невский, как были атакованы. Ясно, что 25 человек не могли оказать сопротивления, и орудия сделались добычей большевиков. Казаки заявили, что пришли сюда в караул, но сражаться с большевиками не станут, забрали свои пулемёты и ушли. Настроение защитников падало. Уже стемнело, а мы всё ещё продолжали стоять во дворе, ничего не предпринимая, благо стрельбы на площади не было. Около 7 ч. вечера к нам вышел член Временного правительства, назначенный военный генерал-губернатор города Пётр Пальчинский³, и обратился к нам с речью, в которой обрисовал всю работу большевиков, историю возникновения, начиная с приезда их в “запломбированном вагоне”, кончая последним предательством⁴, и закончил свою речь так: Керенский с войском находится в 40 вёрстах отсюда в Луге и завтра утром он будет здесь (Луга в 120 вёрстах от Петрограда, а не в 40). “К нам движется вся Городская Дума, чтобы освободить нас. В Генеральном штабе засело 30 хулиганов, отрезавших нас от армии. Господа юнкера, их необходимо оттуда выбить, дабы мы могли снести с ней. Господа юнкера, надеюсь, что вы исполните свой долг!”

Конец речи был покрыт громкими криками: “Ура, да здравствует Временное правительство!” Но едва одна рота под командованием поручика С. вышла за ворота и заняла баррикады, как со стороны Генерального штаба был открыт ожесточённый пулемётный и ружейный огонь, усиленный выехавшими на площадь 2-мя броневиками. Ясно было, что в Штабе не 30 хулиганов, а не меньше батальона при соответствующем числе пулемётов. При таких условиях идти в атаку через всю площадь (около 300 шагов), да выбивать ещё невидимого врага, рассыпавшегося по всему зданию, плана которого никто не знал, – было по меньшей мере легкомысленно. Пришлось остаться сидеть на корточках у дров, не имея возможности высунуть носа, так как два пулемёта поливали вверх дров. Наши же два пулемёта на крайних флангах молчали, экономя патроны.

Положение юнкеров на баррикадах было не из важных, так как, кроме фронтального огня, их обстреливали ещё и фланговым с обеих сторон: и со стороны Александровского Садика, и со стороны Миллионной. Только полная неорганизованность и, я бы сказал, трусость противника была причиной малых потерь на баррик., хотя с его стороны было не меньше 50 раненых и

убитых.

Бой шёл при абсолютной темноте. Единственный фонарь был разбит нами, так как он освещал только наши баррикады. Бой продолжался при почти абсолютном нашем молчании. Мы сидели на корточках возле дров, плотно прижавшись, крепко охватив окоченевшими руками холодные стволы.

Другая рота стояла в резерве во дворце. В комнатах правой части мебели уже не было. В одной из комнат стояла кровать с матрацем, в другой – дамский письменный столик красного дерева со многими визитными карточками графини Бенкендорф, да тройное во весь рост зеркало. Тяжёлые занавески закрывали свет, зажжённый внутри. Со стороны площади в некоторых комнатах даже пробовали занавесить окна коврами. Но вероятно с площади заметили, ибо не прошло и 20 минут, как выехавшим броневиком был открыт огонь по окнам, и в короткое время не было стекла, в котором не зияло бы 5 – 10 отверстий. Окна во всю вышину комнаты не давали места в комнате, где могла безопасно находиться рота, она вышла во двор и стала в промежутках между воротами при полной тишине дворца. Нервно улавливая жалобный звон рикошетирующих пуль, попадавших в стержни ворот, изредка перебежали простреливаемое пространство для связи с другими частями [?]. Уже стали сыпаться шутки, остроты, посмеивались над более робкими товарищами, как вдруг все притихли и притаились.

Узкая полоска неба со стороны Невы слабо осветилась, ухнуло, и над самой крышей разорвалось. То стала посыпать снаряды стоявшая в 100 саженьях от нас Аврора⁵. Снаряды метко (да и мудрено иначе) разрывались во дворе. Укрытий не было – боковые (дрова) ими служить не могут, так как осколки разлетались с высоты веерообразно. Юнкера бросились к стенам. Некоторые даже укрылись за стоявшим во дворе крытым легковым автомобилем графа Толстого (директора Эрмитажа). Ввиду явной бесполезности такого укрытия, пришлось отдать себя на волю провидения и при каждом разрыве гадать, убьёт или нет. Так, сгрудившись около стены, сбились юнкера, чувствуя всю бесполезность своего положения и не имея возможности выстрелить, чтобы звуком своей винтовки подбодрить себя⁶. [На этом запись оканчивается]

Примечания

1. Петроградская школа подготовки прапорщиков инженерных войск. В. Д.
2. 1-й Петроградский Женский батальон смерти. Женские воинские части начали формироваться по инициативе Марии Бочкаревой в мае 1917 г. Батальон героически сражался в боях за Вильну, затем был переброшен в Петроград. Участвовать в политической борьбе отказался, и в Зимнем осталась только одна из его рот. Но и она не захотела сражаться “за буржуазную власть”, сдалась наступающим и была разоружена. В. Д.
3. П. А. Пальчинский (1875 – 1929), горный инженер, в марте 1917 г. избран в Исполком Петроградского совета, назначен помощником генерал-губернатора города и его военным губернатором, также председателем Специального совещания Совета обороны. После падения Зимнего арестован лишь на несколько дней, но в 1929 г. расстрелян. В. Д.
4. Ленин и другие революционеры-эмигранты прибыли из Швейцарии в вагоне, который шёл “по возможности без остановок”, но заломбирован не был. РСДРП(б) получала деньги от германского генштаба для антивоенной пропаганды. Несколько ленинцев, перевозивших деньги через Финляндию,

были задержаны, Временное правительство обвинило Ленина в государственной измене, и тот поспешил скрыться на станции Разлив возле Петрограда. В. Д.

5. Аврору ввели в Неву матросы, офицеры же отказались управлять кораблём. Незадолго до этого матросы-анархисты с “Авроры” несли караульную службу во дворце! В. Д.

По другим сведениям, стреляла Петропавловская крепость, Аврора же стреляла вхолостую. Впрочем, отец сказал нам, что оконные стёкла во дворце разбились после её залпа.

6. В Интернете имеются воспоминания бывшего юнкера Кона, сидевшего в то время за дровяной баррикадой. К нему подошёл матрос и сказал примерно следующее: “Зимний взят, а ты, жидок, ступай к маме”.

3. Биография

3.1. Начало пути. Родился в 1898 г. в Витебске в семье мастера службы пути Полесских жел. дор. Окончил 4-классную городскую, а затем среднюю школу. В 1915 г. поступил на службу в мастерские 3-го участка тяги Северных жел. дор., сдал экзамен на пом. жел.-дор. машиниста и работал на паровозе.

Б. А. Шейнин, помощник паровозного машиниста Сара (Софья) Александровна Каган, его будущая жена, 1916 г.

На русских железных дорогах начальство неизменно приходило в изумление, узнав, что в паровозной бригаде – еврей, и не кочегар (что куда бы ни шло), а помощник машиниста!

В 1917 г. был мобилизован в армию и направлен в военно-инженерное училище в Петроград по классу минно-подрывников. Ещё до призыва отец дважды пытался поступить в Инженерно-Строительную Дружину Юго-Западного фронта, и в обоих случаях ему было отказано (первый раз 22 июля 1916 г. с формулировкой “... Вопрос о зачислении лиц иудейского вероисповедания в Дружины до сего времени не разрешён”.

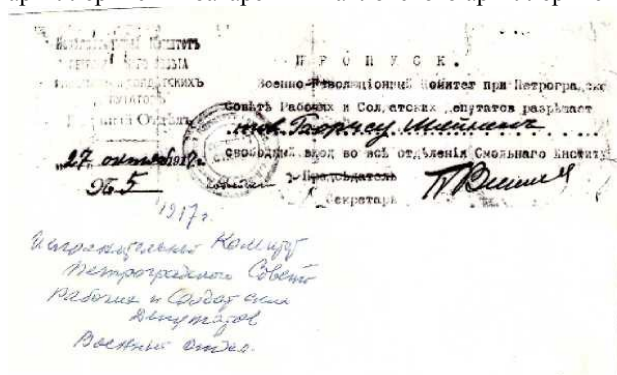
Стал прапорщиком Инженерных войск (сапёром) и противником политики Керенского, но тем не менее пошёл защищать Зимний дворец вместе со своей школой (училищем), чтобы его не обвинили в трусости.

25 октября связался с Военно-революционным комитетом и в ночь на 26 октября вместе с комиссаром гвардейского Семёновского полка Чудновским¹ и небольшой группой солдат полка разоружил Женский батальон смерти в количестве ок. 120 штыков, несший наружную охрану Зимнего дворца. Этим самым солдаты Семёновского полка, а затем матросы Авроры смогли свободно войти во двор и через неохраемые подъезды – во внутренние помещения дворца. К концу операции по разоружению батальона ко дворцу подошёл Антонов-Овсенко. Зимний дворец был взят в ночь на 26 октября. По-видимому, он был в числе других оставлен для охраны Зимнего от разграбления.

Утром 26 октября 1917 г. был направлен с запиской Чудновского в Смольный, где выполнял различные поручения Военного отдела, в том числе участвовал в разоружении Николаевского военно-инженерного училища, захвате броневиков, разоружении Школы прапорщиков Инженерных войск, в переговорах с 6-м сапёрным батальоном. В Смольном я получал поручения от т. Подвойского и пару раз от т. Иоффе (который в 1919 г. был членом президиума Совета обороны У[краинской] ССР).

27 октября ожидалось совместное выступление против советской власти двух петроградских военно-инженерных училищ в количестве 1000 штыков с пулемётами при поддержке

артиллерийских батарей Михайловского артиллерийского

училища. По поручению Военного отдела Военно-революционного комитета я должен был предотвратить выступление Николаевского училища. С помощью солдат 6-го сапёрного батальона я захватил цейхгауз училища и вывез из него оружие. Выступление училища не состоялось, выступили только два его взвода с броневиками, но из-за малочисленности и отсутствия поддержки других военных училищ 28 октября они бросили броневики и скрылись.

3.2. Гражданская война

3.2.1. Киев и его дальние окрестности. В начале 1918 г. я с несколькими товарищами был направлен в прифронтовой город Витебск, где проводил агитацию среди солдат проходящих эшелонов, а также войсковых частей, находившихся в городе.

Удостоверение Военного отдела Витебского Революционного Совета Солдатских и Рабочих Депутатов 25/12 февраля 1918 г. № 202 на право хранения и ношения огнестрельного и холодного оружия.

Демобилизовался и с группой тов. поехал в Киев, в ожидании вакансии пом. жел. дор. машиниста поступил на работу слесарем в жел.-дор. мастерские и определился вольнослушателем Киевского Политехнического Института. Здесь и далее находятся обозначенные курсивом описания приложенных к автобиографии подлинных документов, к сожалению, утраченных.

Билет № 2308 постороннему слушателю Киевского Политехнического Института [бывш. имени Императора Александра II] Шейнину Б. А.

Жил я в это время на чердаке университета среди архивных шкафов, где проживало ещё десятка два неимущих студентов.

[До этого, с октября 1915 г., отец учился в Рижском политехническом институте, который ввиду начавшейся войны был переведён в Москву, по меньшей мере до февраля 1917 г., затем был мобилизован в армию, а с 1918 г., с перерывами, поскольку участвовал в гражданской войне, до 1926 г. продолжал учиться в Московском высшем техническом училище (впоследствии им. Баумана), с которым Рижский институт был слит. Окончил его механический факультет, защитив квалификационную работу *Машиностроительный завод с/х машин на 10 000 сеялок в год.*

В октябре 1915 г. Свидетельство Рижского института было дано отцу (как лицу иудейского вероисповедания) для "свободного проживания в Москве". Москва было в нем проставлено вместо зачёркнутого *Рига*.

В 1914 г. отец с серебряной медалью окончил Витебское коммерческое училище, став кандидатом коммерции. В его аттестате было 20 отличных оценок, в том числе по закону Божьему, алгебре, геометрии, тригонометрии, коммерческой арифметике, немецкому и французскому языкам и коммерческой корреспонденции по ним же, хорошо по арифметике и удовлетворительно по каллиграфии, рисованию и черчению. Отец рассказывал, что, доведись ему повторить своё образование, он снова пошёл бы в

это училище. Нотариальную копию свидетельства об окончании Училища заверил в Витебске наш будущий дядя, брат будущей жены отца, Моисей Александрович Каган. Впоследствии отец окончил МВТУ, см. § 3.2.3]

16 ноября 1918 г. в Киеве участвовал в революционной студенческой демонстрации в составе нескольких сот студентов. На перекрёстке у самого университета демонстрация была встречена офицерами Скоропадского². Отказавшись разойтись, студенты продолжали двигаться вперёд. Передняя шеренга офицеров стала на колена и в упор расстреляла демонстрантов. Было убито около 15 чел., в том числе дочь профессора университета Егорова. Тела убитых были занесены в морг университета. Раненых унесли. Расстрел демонстрации оказал сильное революционное влияние и вызвал ненависть к режиму в студенческой и рабочей среде.

Переехал в район Шулявки³. В это время познакомился с некоторыми профсоюзными работниками – Майоровым, Савельевым⁴ и др. Поговаривали о необходимости восстания, однако 14 декабря в город вошли воинские части Петлюры всех родов оружия. Гетманские войска бежали.

Уже на следующий день Киевский Совет Профсоюзов постановил организовать Киевский Совет Рабочих Депутатов и провести на предприятиях рабочие собрания по выбору депутатов. Организационная Комиссия предложила мне войти в её состав, и я активно включился в предвыборную кампанию.

Мандат № 16 и два без № Бюро по организации Киевского Совета Рабочих Депутатов на устройство предвыборных митингов в Шулявском, Городском, Новостроенском районах г. Киева.

Затем я был избран членом СРД от жел. дор. мастерских и стал членом Мандатной Комиссии.

Удостоверение Мандатной Комиссии от 18 февраля 1919 г. о состоянии членом мандатной комиссии Киевского Совета Рабочих Депутатов.

Я не принадлежал ни к какой партии, был поклонником Максима Горького, читал одно время его газету “Новая жизнь” и поэтому считал себя Интернационалистом. И в Совете Рабочих Депутатов я выступал как “Интернационалист”⁵. (Напр., в отчёте о заседании Киевского СРД от 1/1У 1919 г., напечатанном в газете “Известия ВЦИК СРД и Киевского СРД” № 9 сказано, что после доклада председателя Совнаркома выступил интернационалист “Шейнис” – это ошибка. Шейниса в СРД не было.

Выступая на многочисленных нелегальных выборных рабочих собраниях в ж. д. службах, в Арсенале, на компрессорном заводе, фабриках и т. д., я встретил Андрея Бубнова⁶, которого раньше знал по Военно-революционному комитету в Петрограде, познакомился с членами подпольной группы Бубнова – с Мих. Чёрным, Стан. Коссиором, Майоровым и др. Выступали также Майоров, Чернявский, Савельев и др. В самом конце декабря состоялось первое заседание избранного СРД.

За несколько дней до этого, не помню, по чьей инициативе, было решено выяснить намерения Петлюры по отношению к созываемому Совету РД. Для переговоров с Петлюрой была

выделена делегация из трёх человек, куда, помимо меня, вошли, кажется, Майоров и Чапский. Посещение Петлюры казалось совсем не лишним, так как было хорошо известно, что он примерно за месяц до этого разогнал харьковский СРД и арестовал его президиум, производил обыски в профсоюзах, аресты и т. д. Поэтому не надо было подставлять себя открыто под удар.

Подойдя к воротам дворца, где размещался штаб Петлюры, оба моих спутника решили из соображений безопасности дальше не ходить и повернули обратно. Я решил всё же идти и выяснить положение. Дежурный офицер охраны провёл меня внутрь дворца. Мне было заявлено, что меня примет не Петлюра, а его заместитель – командир осадного корпуса полковник (или атаман) Коновалец. Коновалец принял меня в своём кабинете в присутствии адъютанта, подозрительно расспрашивал о цели посещения, моём положении (член мандатной комиссии), чем Совет намерен заниматься (выдвигать и организованно формулировать свои задачи и требования) и т. д. В конце приёма Коновалец заявил мне, что он не будет возражать против деятельности СРД, если он [тот] будет заниматься профессиональными и городскими (хозяйственными) интересами населения, налаживанием нормальной жизни в городе, но во всяком случае он не потерпит Совета, который будет призывать к свержению власти. О своём посещении Коновальца я в тот же день подробно информировал гг. Бубнова, Коссиора и Майорова.

(Через несколько дней в Киевской буржуазной газете – названия не помню – появилась инспирированная заметка о выдуманной беседе со мной, названным ею “секретарём СРД” П. А. – вместо Б. А. – Шейниным. Заметка, без ссылки на Коновальца, повторяла его заявление об условиях допускаемой работы Совета.)

Стало ясно, что политическая деятельность СРД не будет допущена, а стало быть, легальное существование Совета невозможно. Поэтому вся политическая работа была в основном перенесена в избирательные и отчётные собрания. Такое напряжённое положение продолжалось в городе по крайней мере несколько недель. Были сведения, что Украинская Красная Армия с боями успешно продвигается к Киеву. Снова пошли разговоры о необходимости подготовки восстания рабочих и захвата власти в городе. Однако трезвый учёт соотношения сил, когда в городе и его ближайших окрестностях стояла организованная и частью кадровая армия Петлюры (в том числе Галицийские полки) численностью в 25 – 30 тыс. человек, – заставлял полагать эту задачу совершенно невыполнимой. [Галицийские полки были сформированы из украинцев, жителей Галиции, в основном мобилизованных в Австро-Венгерскую армию и сдавшихся русским в плен в ходе мировой войны. Во время описываемых событий ими командовал Коновалец.]

Сочли поэтому, что должны быть созданы подвижные рабочие боевые отряды с крепкой дисциплиной и организацией, которые в благоприятный момент подхода частей Красной Армии должны выступить и захватить по крайней мере окраины города. Это вынудило бы Петлюру к поспешному отступлению из города и в значительной мере облегчило бы овладение города нашей

Армией, не говоря уже, что сам город не стал бы местом военных действий.

В конце 1918 г. группа Бубнова решила создать военные отряды. Под вывеской “Штаб Охраны г. Киева при Киевской городской демократической думе” в конце января 1919 г. был организован штаб отрядов во главе с Начальником Штаба Чикалиным (в дальнейшем зам. Губ. воен. комиссара Павлова) и сформированы три отряда “По охране порядка” из числа “добровольцев”. Командование одним из них, Лукьяновским, численностью ок. двухсот чел. было поручено мне.

Часть людей Штаб передал мне из числа ему рекомендованных. Другую часть Штаб предложил мне набрать самому из числа известных мне людей. Отряд формировался в одном из зданий на Крещатике, куда мне были доставлены боевые винтовки и патроны из замаскированного склада, которыми отряд и был вооружён. Формирование было мной быстро закончено, в отряде оказалось свыше 70 (но не 200!) человек.

Удостоверение Штаба Охраны г. Киева № 2692 от Февраля 1919 г. о моем состоянии Начальником Отряда (до прихода Красной Армии)

Мне была поставлена задача захватить Лукьяновский район города, вытеснить из него петлюровские части и удерживать его до прихода нашей Армии, захватить Лукьяновскую тюрьму и освободить политзаключённых, захватить или блокировать интендантские базы и артсклады и не допустить вывоза из них имущества.

Я усомнился в возможности небольшого отряда выполнить такую боевую задачу. Мне было обещано “при надобности поддержать”, но никакой помощи я не получил.

2 февраля к концу дня отряд выступил по назначению. В районе базара произошла первая стычка с небольшой петлюровской воинской группой, которая была нами разоружена. Подошли к тюрьме, обстреляли её беглым огнём, ворвались и захватили. При этом были убиты нач-к тюрьмы и надзиратель, захвачен скрывавшийся палач и освобождены политические (по их заявлению) заключённые.

Люди отряда были легко одеты. Мороз достиг 10 градусов. В этих условиях нельзя было оставаться на улице. Корпуса тюрьмы с голодными заключёнными были опасны. Закрываться в канцелярии тюрьмы нельзя было во избежание ловушки. Поэтому пошли к вещевому складу и, сняв охрану, захватили его. Забрали тёплые одеяла и вернулись в тюрьму, где провели ночь в тяжёлых условиях.

Утром следующего дня положение серьёзно осложнилось. Небольшие отряды петлюровцев, силой от взвода до роты, пытались окружить и уничтожить выведенный мной из тюрьмы отряд. Отряд рассыпался, залёг за домами и отстреливался. Петлюровцы понесли потери убитыми и ранеными, что их серьёзно обескуражило. Поэтому их преследование ослабело. Наших раненых мы внесли в квартиры жителей и там оставили до прихода вызванных местных врачей.

С наступлением темноты отряд вновь собрался. На этот раз его

действия были значительно более активными и смелыми. Отряд повёл залповый огонь по помещениям, занятым воинскими частями, обезоруживал убежавших солдат, захватывал цейгаузы и склады. Захватил также колонну грузовых автомобилей с интендантским имуществом и сукном.

В течение ночи отряд завладел районом и стал фактическим его хозяином. В отряд вступили десятки жителей. 4 февраля утром мои патрули донесли, что петлюровские части, видимо, уходят из города. Пользуясь этим, повёл сплошную очистку района от остатков петлюровцев. Действия не прекращались и ночью. Утром 5 февраля посланные мной разведчики донесли, что из пригорода входит Советская конница.

Действия моего отряда, равно как и двух других, позволили полностью захватить город, так что наши войска, ведшие бои на подступах к городу, 7 февраля 1919 г. вошли в него почти без боя. Город не пострадал, и все склады остались на месте. Выплатив отряду остатки полученных мной при формировании денег из расчёта 10 руб. в день на каждого взамен пайка и оставив его на месте, я поспешил в город и уже в центре города встретил вступающую конницу. Одному из командиров я отдал свой карабин взамен его винтовки.

Я вместе с частью отряда вступил в регулярные войска Киевского укрепленного района, которым вначале командовал Павлов, а затем тройка в составе Петерса, Лациса и Ворошилова⁷. Я командовал отрядом. Положение на фронте продолжало ухудшаться и после того, как войска Деникина перерезали жел. дор. Киев – Нежин, мы оставили Киев. Я находился в это время в районе Черкасс, около 120 км от Киева. В тяжёлой обстановке я пробивался к основным силам, неоднократно вступал в бои с войсками Петлюры, которые громили население и устраивали зверскую резню евреев и подозреваемых в коммунизме. В Черкассах, Золотоноше, а затем в Каневе я намеренно ввязывался в бои с дикими ордами погромщиков-петлюровцев и уничтожал их сколько мог.

[Дальнейшее описание снова относится к февралю 1919 г.]

По указанию Штаба я явился к коменданту города и доложил о выполненной мной операции. Комендант распорядился сохранить отряд под моим командованием на несколько дней до установления полного порядка в городе. На моем удостоверении комендант сделал надпись:

Удостоверение Штаба Киевской Охраны считать действительным до февраля с. г.

Сдав затем отряд (он перешёл в комендантскую команду), я поступил в распоряжение Окружного Военного Комиссариата (Богданова), где работал в отделе формирования. Через некоторое время я был назначен Членом Коллегии Снабарма и Флота за счёт любых ресурсов. Одновременно я автоматически являлся Членом Коллегии Киевского Губпродкома и Губсовнархоза как представитель командования.

Мандат Киевского Губвоенкомата 28 Июня 1919 г. № 4550.

Во время наступления наших войск и внутри города было захвачено много пленных и других лиц, в том числе опасных уголовников, дела о которых были переданы Ревтрибуналу и

частью народным судам. Чтобы обеспечить бесплатную правовую защиту этих лиц и помочь Трибуналу установить степень их вины и ответственности, при Киевском Ревтрибунале (под председательством Чернявского, а затем Дегтяренко) по решению Исполкома Киевского СРД была создана Коллегия правозащитников в составе 15 человек (работа бесплатная, общественная). Наряду с работой в Снабарме я был назначен также Членом Коллегии правозащитников при Трибунале, а затем (в соответствии с цитируемыми чуть ниже документами не затем, а ранее) также и при Народных судах по особо серьёзным преступлениям.

Удостоверение Отдела Юстиции Киевского Исполкома 26/Ш № 231 1919 о состоянии Членом Коллегии Правозащитников при Народных Судах.

Удостоверение Юридического Отдела Киевского Исполкома 2/УШ – 1919 г. № 2985 о состоянии Членом Коллегии Правозащитников при Революционном Трибунале.

Положение со снабжением продовольствием Армии, Днепровской Флотилии, не говоря уже о населении г. Киева, становилось угрожающим. По нескольку дней не бывало даже хлеба, что самым отрицательным образом сказывалось не только на настроении рабочих, но и на боеспособности Армии. При непрерывном росте численности Армии продовольствия становилось все меньше.

В конце июня 1919 г. ЦК КП(б)У [Коммунистической партии (большевиков) Украины], отмечая неудачи наших войск на южном фронте в значительной мере из-за отсутствия продовольствия, равно как и острое положение с продовольствием в Киеве и др. городах, – дал директиву немедленно организовать хлебные Отряды и послать их в такие районы, где ещё можно достать хлеб. Было предписано поставить во главе каждого отряда надёжных и опытных коммунаров.

Распоряжением Губвоенкомиссара Павлова мне было предписано принять вооружённый хлебный отряд, заготовить хлеб и немедленно доставить его в Киев. Это было очень тяжёлое задание, так как отведённый мне для заготовок район – Бобринское⁸, Золотоноша, Черкассы – хотя и считался советским, но был наводнён частями Григорьева⁹, Зелёного, отрядами и бандами всякого наименования (Лопатина и др.). Действовать в таком районе, где сёла были чужими, а города лишь номинально наши, было исключительно трудно. К тому же никакого сплошного фронта не существовало, и рассчитывать на помощь наших войск нельзя было, а небольшие гарнизоны местных военных комиссариатов были слабы, а порой и ненадёжны.

Прибыв в Бобринское, я созвал рабочих сахарного завода, рассказал им о тяжёлом положении войск и городских рабочих и просил о помощи. Рабочие тут же постановили передать безвозмездно весь имевшийся на заводе запас сахарного песка, который был погружен и отправлен в Киев в сопровождении моих и заводских людей. Я перешёл в Золотоношу.

Заготовки хлеба в сёлах “по инструкции” едва не погубили весь отряд. Он встречался вооружёнными толпами селян и

обстреливался из-за укрытий. В городе, куда я вернулся с потерями, большую помощь мне оказал местный житель по фамилии Рыс. С его помощью я решительно отказался от полупринудительных заготовок непосредственно в сёлах, и от них перешёл на скупку хлеба на базарах и у мельниц по рыночным ценам на “царские” деньги, которые я приобрёл при помощи Рыса в обмен на “керенки”, которые никто не брал. Погрузил и отправил по Днепру в Киев несколько барж с зерном и мукой, но через некоторое время мои деньги иссякли и я отправился в Киев, оставив людей в Золотоноше. Павлов полностью одобрил мои действия, выдал большую сумму денег, частью царскими ассигнациями и приказал вернуться. При этом мне было предписано каждые 2 – 3 дня посылать ему нарочным донесения о положении в районе.

В Киеве я узнал, что приказом Командующего войсками Внутр. Фронта¹⁰ вошел в состав Войск Внутр. Фронта. Начальник Штаба Евсеев выделил мне дополнительный воинский контингент, который отбыл со мной, имея задачу всеми силами удерживать район Золотоноши. Однако мне по-прежнему было приказано заготавливать хлеб в районе действий и грузить в Киев. Сам же отряд оставался на самоснабжении.

Пользуясь случаем, я попросил Командующего войсками Внутреннего фронта Ворошилова выдать отряду несколько комплектов кожного обмундирования. Он отказал, добавив “Не надо впутываться в грязное дело”. Хотя я не понимал, что тут грязного в снабжении передового отряда, спорить не стал.

Я вернулся в район и перешёл в Черкассы, тем более, что наши закупки подняли цены на рынке, что вызвало недовольство населения. О положении в районе можно судить по тому, что за несколько часов до моего прихода одна из банд Зелёного напала на город, разграбила и буквально вырезала еврейское население целого района города и “коммунистов”. Убили всех – и стариков, и грудных детей. На одной из улиц я настиг эту пьяную банду, которая получила полную меру возмездия. И в этом районе я удерживался благодаря хорошей работе своей разведки и помощи населения, осведомлявшего меня о расположении банд, их составе и вооружении. Действовала и моя разведка, а в первое время и устраиваемые мной скрытые камнемёты, волчьи ямы и подобные простые ловушки, действовавшие и морально на неорганизованные толпы. С этого времени почти ежедневно приходилось вступать в перестрелку, а иногда и в бои с наступавшими бандами.

Попытки войти в контакт с нашими войсками не удались из-за их подвижности. Неделями отряд не выходил из боев, не имея никакого резерва и опорных пунктов. Натиск банд увеличивался и хотя в ночных нападениях, которые я преимущественно вёл, многие банды были разгромлены, все же сказывались усталость и собственные потери, в том числе был ранен мой заместитель – энергичный и мужественный матрос Черноморского Добровольного Флота¹¹ Гальзин.

Один из крупных боев произошёл в конце июля на окраине Черкасс с бандой Зелёного в составе нескольких сот человек с пулемётами и конницей, захватившей также возможные пути

отхода моего отряда. Уклоняясь от дневного и фронтального боя и воспользовавшись сообщением о пьяной гульбе банды, я ночью напал на неё. Возникшая паника и внезапность нападения способствовали успеху. Банда разбежалась, побросав оружие, в том числе тачанку с пулемётом и повозки с награбленным имуществом.

В роще остались убитые и раненые. Мой отряд понёс небольшие потери. Однако к Черкассам подошли регулярные части противника (Галицийские полки Петлюры?). Бобринская была ими уже захвачена, как и ближайшие районы. Давление на меня всё усиливалось, и я вынужден был отступать (несколько барж с мукой за это время всё же ушли в Киев).

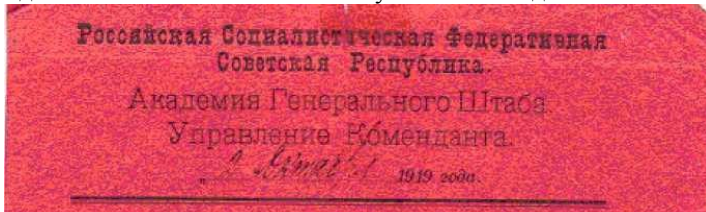
Последний раз с докладом я был в Киеве в 20-х числах августа, где узнал, что по представлению Павлова я назначен Начальником Снабжения Штаба Командующего Войсками Внутреннего Фронта (Ворошилова), иначе говоря, Войск Внутреннего фронта.

Приказ по строевой части Штаба Команд, войск Внутреннего фронта 17 августа 1919 г. № 6, § 9.

Во время моего нахождения на фронте структура командования несколько раз менялась. Губ. воен. комиссар Павлов назначен Начальником Киевского Укреплённого Района, оставаясь комиссаром. Затем командование перешло к тройке, Петерсу, Лацису и Ворошилову. Павлов снова Губвоенкомиссар.

Вернулся в район Черкасс для сдачи отряда. Обнаружил его уже в районе Канева. Южная группа наших войск с боями прорывалась на север. С боями отходил и отряд. В Киев я пришёл в конце августа, когда он эвакуировался. В арьергарде наших войск я пошёл по Десне на север и после изнурительного похода прибыл в Гомель.

3.2.2. Академия Генерального штаба. Разведка. В Гомеле бывшее командование Киевского Укреплённого Района – Петерс, Лацис, Ворошилов – распределило прибывших командиров. Меня, как отличившегося командира, направили в Академию Генерального Штаба и наградили серебряным командирским знаком отличия. В сентябре 19 г. я прибыл в Москву и после сдачи экзаменов был зачислен слушателем Академии.

Плохо понятное слово: *Слушателю*

В одной со мной группе учился ныне здравствующий доктор военных наук генерал Абсалямов Мензакир. В числе слушателей были Триандафиллов, Соколовский (маршал), Шеко¹², Дыбенко и др. Занятия в академии чередовались с командировками на фронт в качестве строевых командиров и штабных руководителей, окончил младший курс академии.

Дано сие тов. Шейнину Борису в том, что он прослушал курс младшего класса Академии генерального штаба и сдал зачёты по Пехотному, Полевому и Артиллерийскому Уставам.

Управляющий делами ...

Делопроизводитель учебной части Алаева

На обороте: *т. Шейнин был у меня в партии на практических занятиях по тактике и службе генерального штаба. Очень серьезный и обстоятельный слушатель. Может хорошо работать как военный специалист. Руководитель 10 группы Ф. Костяев*

[Отец хранил газетное сообщение о смерти в 1925 г. Федора Васильевича Костяева, профессора Академии Генерального штаба. См. о нем в БСЭ.]

По рекомендации начальника штаба Красной армии, генерала царской армии Костяева (моего руководителя в Академии) был в 1920 г. командирован со старшего курса на фронт, где служил помкомбата, командиром Кременчугского стрелкового полка, Начальником штаба Одесской отдельной крепостной бригады

трёхполкового состава, Начальником разведки Группы войск Обороны Черноморского побережья.

Выписка из приказа того же штаба о состоянии Начальником разведкой (войск Обороны)

Также пом. начальника войсковой разведки командующего всеми вооружёнными силами Украины и Крыма (Фрунзе), зав. Сектора Регистрационного управления Полевого штаба РВСР и в Разведывательном управлении штаба РККА (Ленцман, Зейбот¹³,

Берзин, Дзенис, Лонгва). Разведывал румынское Приднестровье, и сигуранца (румынская контрразведка) назначила премию за мою поимку.

Удостоверение Разведывательного управления Штаба РККА о состоянии Завсектором. 4 октября 1921 г., № 6499

Б. А. Шейнин. Фото примерно 1920 г.

[И вместе с тем отец опубликовал статью в Известиях [2] о греко-турецкой войне.]

По разведке мне объявлены благодарности в приказах за обнаружение, разгром и уничтожение банд, действовавших в тылу 3-й Армии.

Приказ 14 ноября 1921 г. №33, §5:

Убывшему к месту постоянной службы в РазведУпрШтаба РККА Начальнику войсковой разведки т. Шейнину от лица службы объявляю благодарность за энергичную постановку дела войсковой разведки, проявленное умение, глубокое знание дела. Копию настоящего приказа препроводить Начальнику Разведупра штаба РККА. Начальник разведки войск Витебского района и военком Якубенко

Разведывательное управление Штаба РККА (т. Ленцман) оставило меня в должности пом. зав. 6-го отделения 3-го отдела. В составе комиссии был командирован для ознакомления с деятельностью Разведупра Украины, в результате чего руководство управления было заменено и мне было предложено работать в штабе Командующего войсками Украины и Крыма (Фрунзе) в должности начальника 3-го отдела, но по моей просьбе был официально назначен помощником начальника отдела войсковой разведки командования войсками Украинского фронта.

Штаб 3-й армии, переименованный в штаб Витебского района, обратился за содействием в Разведывательное управление по организации войсковой разведки в связи с серьёзным положением на территории войск штаба армии, вызванным действием многочисленных банд. Я был командирован в штаб армии и назначен исп. обязанности начальника 1-го отделения разведотдела армии. Организовал службу разведки штаба и разведывательные части в войсках штаба вплоть до полков. Лично взял на себя командование эскадром конных разведчиков в районе Лиозно – Рудня – Крынки и др. Обладая точными, своевременными и проверенными данными, командование приняло уверенные меры и смогло в краткий срок в значительной мере подавить деятельность банд.

Приказ по Разведывательному управлению штаба РККА 2 декабря 1921 г. № 211, § 10 [§ 13?]:

Убывшему из Управления по месту нового назначения на Украину Пом. Н-ка 6 отделения 3-го отдела, т. Шейнину Б. А. за истинную усердную службу и проявленную энергию в работе РАЗВЕДУПРА от лица службы объявляю благодарность. Начальник управления Зейбот, начальник общей канцелярии Мартинсон

3.2.3. Гидросамолёты. Ранение и контузия. О боевых действиях частей и соединений, в которых я служил как руководитель разведки, говорить не буду. Они известны, сообщу только малоизвестную операцию. В сентябре 1920 г., в бытность мою начальником разведки штаба войск обороны Черноморского побережья, в район Одессы прибыло французское транспортное судно с 400 русскими солдатами из бывшего Экспедиционного корпуса, посланного в 1915 г. русским правительством во Францию для укрепления её боеспособности в войне с Германией (и отказавшимися воевать после нашей Октябрьской революции 1917 г. Точнее: после выхода России из войны по Брестскому договору в

марте 1918 г.).

Судно прибыло под охраной эскадренного миноносца французской средиземноморской миноносной эскадры, который стал на якорь в зоне действия нашей береговой батареи дальнебойных орудий. Сдав солдат, миноносец с транспортом собирался покинуть наши воды, но был задержан, так как по полученным мной разведывательным данным на борту транспорта находились 18 гидросамолётов, которые он вёз в Крым для Врангеля и которые могли резко изменить ход войны в его пользу.

Я немедленно сообщил об этом в Штаб РККА и по решению местного военного совещания (командующий Фиалковский, начштаба Лебедев, начальник оперупра Гришаков и я) я как представитель военного командования был направлен к командиру миноносной эскадры, он же – командир миноносца, для переговоров о добровольной передаче нам этих самолётов. Миноносец стоял в открытом море на внешнем рейде Одессы. Меня сопровождал переводчик и представитель Советской власти Вихман, председатель одесской губчека.

Из-за бестактности Вихмана и его неумения вести себя в каюте командира миноносца и намеренно непривлекательного вида эти переговоры были командиром резко прерваны после бессмысленных повторений Вихманом слова ЧК, что, конечно, было понятно каждому [отец рассказал нам, что этот бывший портной стряхнул пепел от папиросы на ковёр каюты капитана]. Это вызвало возмущение командира, который заявил, что готов быть скорее потопленным (нашими береговыми орудиями), чем продолжать с нами переговоры.

Верховный главнокомандующий всеми вооружёнными силами республики [точнее, Нарком по военным и морским делам Троцкий, его фамилию отец назвал нам] передал мне лично по прямому проводу (в отсутствие командующего Фиалковского) приказ любыми средствами забрать гидропланы, вплоть до абсордажа миноносца. Фиалковский как всегда находился в прожекторной роте, которая снабжалась чистым спиртом для чистки прожекторов и ни в каких этих действиях не участвовала. Начальник штаба Лебедев находился в командировке, и я практически в это время исполнял все должности по штабу. [Троцкий спросил, где Фиалковский, отец ответил: “В войсках”, на самом же деле “валялся где-то пьяный”. (Устный рассказ отца.)]

В районе прибытия миноносной эскадры в распоряжении командующего обороной имелись только морские катера и шлюпки, а приказ Главнокомандующего во всяком случае требовал времени, которого у нас не было, для обучения захвату абсордажем миноносца (с высоким бортом) в открытом море (на внешнем рейде).

Из перехваченных радиogramм миноносца было видно, что он пытается связаться с морским командованием Франции. Одесской радиостанции было дано распоряжение круглосуточно глушить передачу. Станция не была подчинена военному командованию и поэтому не выполнила в точности данного ей распоряжения и пропустила радиogramмы миноносца.

Миноносец стоял в пределах полной досягаемости наших батарей и мог быть в любой момент потоплен. Всё командование

было против такой меры, к тому же было получено категорическое указание РВСР, что никакие предпринимаемые командованием меры не должны вовлекать Советский Союз [он ещё не существовал] в серьёзный конфликт с Францией, а тем более в войну с ней.

В эти же часы была получена радиограмма Командующего Средиземноморской эскадры французского флота, в которой, после фраз о роли Франции и её морского флота, был предъявлен ультиматум о немедленном освобождении миноносца и проводки его через минное заграждение с угрозами бомбардировать Одессу. По полученным сведениям французская эскадра двинулась в Чёрное море.

Ввиду чрезвычайно серьёзного положения было решено (помимо чисто военных мер) послать меня вторично к командиру миноносца с той же миссией. Я настоял на поездке без Вихмана. Командир миноносца знал об ультиматуме, видимо связался также с Врангелем. Поэтому моя миссия была чрезвычайно тяжёлой. Почти час продолжались переговоры 23-летнего командира Красной Армии с седым капитаном 1-го ранга французского флота. Не знаю, что повлияло на капитана, но во всяком случае не угроза применения силы (я о ней и не упоминал). [Вообще интервенция Англии и Франции (но не Японии) была очень вялой. Об этом в 1919 г. Чупров писал Комитету по спасению России (Лондон), см. Шейнин (2010, с. 26).]

В конце концов было решено, что самолёты не будут переданы Врангелю, но командир потребовал, чтобы они также не были использованы Красной Армией и при этих условиях он согласился выгрузить самолёты. Я вернулся на берег. Командование организовало выполнение договорённых условий, снабдили миноносец питьевой водой и мясом из наших скудных запасов и отправили лоцмана для проводки через минное поле.

Произведённая мной разведка с воздуха судов Врангеля в районе побережья не обнаружила. Видимо, он потерял надежду на вмешательство Франции. Руководители Сивашской операции¹⁴ могут указать, какое серьёзное стратегическое значение имело лишение Врангеля двух десятков современных (по тому времени) гидросамолётов.

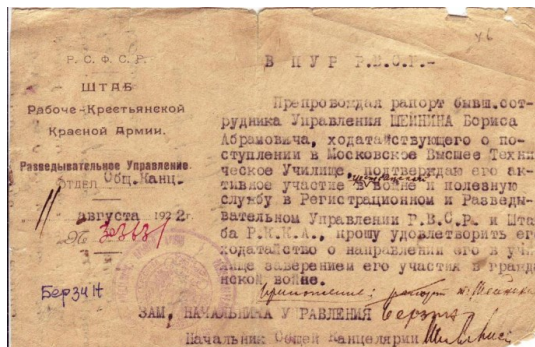
Одновременно я получил войсковые донесения, что флот Врангеля показался на виду Очакова и др. пунктов, обстрелял побережье (что он иногда и раньше делал) и приступил к тралению мин в этом районе. Для личного наблюдения за ходом обороны я срочно прибыл в этот район.

Случайное попадание снаряда с одного из врангелевских судов: лошадь подо мной была убита, я был оглушён и, падая [упав], оказался придавленным лошадьёю и сломал ногу. У меня были перебиты обе барабанные перепонки с кровоизлиянием из ушей.

Я надолго лишился слуха (только свист в ушах) и передвижения (нога в гипсе). Служба в разведке отпала. После того, как я немного оправился, я был назначен начальником штаба подчинённой нам Одесской крепостной бригады с “более спокойной обстановкой”, но заболел сыпным тифом и после условного выздоровления выехал в Москву для окончательного лечения.

В 1941 г., в начале войны, дважды подавал рапорт в Разведупр, сослался на длительную службу в войсковой разведке, отличное знание английского языка, многолетнюю службу за границей в качестве руководящего инженера, отличное знание техники и просил назначения в любую воинскую часть. Ответа я не получил. (Позднейшее добавление отца.)

По окончании военных действий в Польше (перенёс тифы, ранение, контузии) демобилизовался, окончил (по направлению Разведупра и Пура Штаба РККА) Московское высшее техническое училище.

[Вот другой документ, касающийся Берзина:] Выписка из Приказа по Штабу обороны Черноморского побережья от 11 сент. 1920 г. № 87:

Зав. разведкой и врид [временно исполняющему должность] ст. помначштаба по оперативной части т. Шейнина и красноармейца ... убывших в командировку ... исключить со всех видов довольствия кроме денежного с ... Во вр. и. д. ст. помначштаба по оперативной части вступить мл. помначштаба т. Берзину и во вр. и. д. зав. разведкой т. Алееву.

[Отец хранил вырезку из *Комсомольской правды* от 13 ноября 1964 г., – биографию Берзина к 74-летию со дня его рождения, “погибшего от руки бериевских наёмников” (в 1937 г.). Наёмников, впрочем, никаких там не было, да и сам Берия ещё не имел неограниченной власти.]

Преподавал во вузах, утверждён в учёном звании доцента, занимал руководящие должности в промышленности, в том числе гл. инженером заводов, членом Технического совета у Орджоникидзе. Сейчас на гражданской пенсии.

Помимо ордена Красной звезды награждён сейчас медалью 50 лет Вооружённых сил и получил поздравление Министерства обороны.

Опись в основном упомянутых документов

1. Пропуск Военно-Революционного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов на свободный вход в Смольный институт, № 5, 27 окт. 1917 г.
2. Удостоверение Витебского революционного совета солдатских и рабочих депутатов на право ношения огнестрельного и холодного оружия, № 202, февраль 1918 г.
3. Пропуск Академии Генерального штаба слушателю Академии, № 346, 2 окт. 1919 г.
4. Удостоверение Штаба охраны Киева о состоянии начальником отряда (до прихода Красной Армии) № 269, 2 февр. 1919 г. и надпись Советской комендатуры города (после её прихода) на обороте удостоверения о действительности удостоверения
5. Удостоверение о состоянии членом Мандатной комиссии Киевского совета рабочих депутатов, 18 февр. 1919 г.
6. Удостоверение (копия) Юридического отдела Киевского сов. раб. деп. О состоянии членом коллегии правозаступников при рев. трибунале № 2985, 2 авг. 1919 г.
7. Свидетельство высшей приёмной комиссии (?) об увольнении в отпуск. Подписано нач. штаба Одесской отдельной крепостной бригады (ноябрь 1920?)
8. Удостоверение Штаба обороны Черноморского побережья и выписка из приказа того же штаба о состоянии заведующим (начальником) разведки (войск Обороны), № 2614, 9 сент. 1920 г.
9. Выписка из приказа по разведотделу Штаба войск Витебского района (3-я армия) с благодарностью за энергичную постановку разведки, умение и глубокое знание дела, № 33, § 5, 14 ноября 1921 г.
10. Удостоверение развед. упр. Штаба РККА о состоянии завсектором, № 6499, 4 окт. 1921 г.
11. Выписка из приказа по развед. упр. Штаба РККА с благодарностью за истинную усердную службу и энергию в работе, № 211/10, 2 дек. 1921 г.
12. Удостоверение развед. упр. Штаба командующего всеми вооружёнными силами Украины и Крыма о состоянии пом. начальника 3-го отдела, № 39/9, 2 янв. 1922 г.
13. Ходатайство в ПУР РВСР замначальника развед. упр. РВСР и штаба РККА с подтверждением активного участия в войне и *полезной службы* в развед. упр. о направлении в Моск. высш. техн. училище.

Примечания

1. Г. И. Чудновский (1890 – 1918), член РСДРП(б) с 1917 г., член ВРК и ВЦИК. В январе 1918 г. комиссар Киева, погиб в бою. В. Д.
2. П. П. Скоропадский (1873 – 1945), в 1918 г. гетман “Украинской державы”. В. Д.
3. Один из рабочих районов Киева. В. Д.
4. М. М. Майоров (1890 – 1938), член РСДРП с 1906 г., в 1918 г. председатель Всеукраинского парткома и Киевского обкома РСДРП(б). В 1927 – 1932 гг. зампредела Центральной контрольной комиссии этой партии. Погиб в Большом терроре. М. А. Савельев (1890 – 1935), член РСДРП с 1903 г., с 1928 г. видный деятель: директор Института Ленина, редактор *Правды* (1930), председатель президиума Коммунистической академии (с 1932 г.). Академик. Яростный сталинист. В. Д.
5. Интернационалисты-меньшевики группировались вокруг газеты *Новая жизнь*, затем вошли в РСДРП как фракция интернационалистов. В. Д. Отец же лишь считал себя интернационалистом.
6. А. С. Бубнов (1884 – 1938), в РСДРП с 1903 г., член Петроградского ВРК, с 1924 г. начальник ПУР, в 1929 – 1937 гг. нарком просвещения. Погиб в Большом терроре. В. Д.
7. М. И. Лацис (Я. Ф. Судрабс, 1886 – 1938), один из создателей и руководителей ВЧК и ГПУ. Погиб в Большом терроре. В. Д.
Где-то в 1960-х годах отец неодобрительно отозвался и о Ворошилове, и о Будённом, поскольку у них не было никакого военного образования.
8. Ниже упомянуты село Бобринское и Бобринская. Последнее написание

видимо относилось не к селу, а к железнодорожной станции.

9. Н. А. Григорьев (1878 – 1919), штабс-капитан, стал командиром 6-й Украинской советской дивизии, в 1919 г. выступил против большевиков. Был разгромлен, бежал к анархистам Махно, но был ими убит. В. Д.

10. Внутренним фронтом называлась борьба большевиков с “кулацкой контрреволюцией”, – с десятками крестьянских повстанческих отрядов. В. Д.

11. Акционерное общество Добровольный флот не было черноморским. Оно подчинялось Министерству финансов, а его правление находилось в Петербурге. В. Д.

12. В. К. Триандафиллов (1894 – 1931), командир корпуса, крупный военный теоретик, начальник оперативного управления Генерального штаба РККА.

Погиб в авиационной катастрофе. Я. В. Шеко (1893 – 1938), штабс-капитан, с 1918 г. в Красной Армии. Погиб в Большом терроре. В. Д.

13. Ф. Я. Зейбот, в 1921 – 1924 гг. начальник разведывательного управления РККА. В. Д.

14. В ноябре 1920 г. красные войска под руководством Фрунзе штурмовали Перекоп, переправились через Сиваш, и захватили Крым.

3.3. Англия. Ещё будучи студентом МВТУ, отец уже работал в РАБКРИНе, Наркомате рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (позднее СССР), сначала практикантом, потом инспектором и старшим инспектором сектора внешней торговли. Документ о зачислении отца в этот сектор подписал зам. наркома С. Чуцкаев и начальник общего управления Петерс, о котором речь впереди (гл. 6).

После окончания МВТУ в марте 1927 г., отца послали на работу в Англию, в общество АРКОС, для приёмки заказываемых машин и оборудования. Это было естественно ввиду его работы в РАБКРИНе. Несомненно, что свою роль сыграли и его статьи в различных газетах (см. гл. 5), – их за время его работы в РАБКРИНе было напечатано 14, причём 8 относилось именно к экспортно-импортным операциям.

Б. А. Шейнин в период работы в Англии

[АРКОС, Всероссийское кооперативное (акционерное торговое) общество, было представителем советских внешнеторговых организаций, имело конторы и отделения в ряде стран. В 1927 г. английская полиция совершила налёт на АРКОС, подозревая, что в нем скрывается шпионская агентура. Конфискация разоблачительных документов и высылка многих советских граждан привели к длительному разрыву англо-советских дипломатических отношений. В. Д.]

В АРКОСе отец работал до августа 1931 г. (при предельном сроке в три года) в должностях инженера-консультанта, зам. зав.

отделом металло-импорта и зав. отделом приёмки, старшим инженером секции станков, затем секции металлургии и тяжёлого оборудования, закупаемого для всех крупнейших строек в Союзе (Кузнецкий, Магнитогорский комбинаты, Краматорский и Запорожский заводы, Днепрострой).

Периодически посещал крупнейшие предприятия Англии, – станочные (инструментальные, прессовые и кузнечные), машиностроительные, металлургические, котельные и др., наблюдал за качеством сырья и поковок, обработкой изделий, поскольку окончательная приёмка фиксировала в основном все эти процессы.

Был также зам. председателя комиссии по испытанию морских судов, принял и испытал в море весь дальневосточный рыболовный флот. И когда знаменитый кораблестроитель академик А. Н. Крылов (председатель этой комиссии) прибыл в Англию принимать грузовые суда, их двигатели проверял отец.

Приходилось ему выполнять и необычные поручения. Так, он посетил Дж. М. Кейнса, попросил этого всемирно известного экономиста написать статью для *Известий*. Тот согласился, выговорив себе номинальный гонорар в 5 фунтов, однако газета отказалась от своего намерения (и, как отец сказал как-то, тем самым подорвала его репутацию).

Сохранилась служебная записка отца 1930 г. руководителем АРКОСа о закупке технических алмазов (чем ему также пришлось заниматься несколько лет). Отец объяснял, что переплата за алмазы достигает 40% их стоимости, а его предупреждения на этот счёт оказались безрезультатными, и продолжал:

Мне стоило огромных усилий и понадобились годы, чтобы убедить наших руководителей и Москву в том, что мы переплачиваем в другой области – станках – как я утверждал, 3040%. Я это документально доказывал и раньше, и доказал сейчас.

Уж не уходила ли переплата на финансирование английской компартии?

12 августа 1931 г. директор АРКОСа (фамилия неразборчива) подписал

Отзыв о работе инженера т. Шейнина

Тов. Шейнин проработал в АРКОСе на различных технических должностях около 4-х лет. В своей работе т. Шейнин проявил себя как знающий инженер, умеющий отстаивать свои предложения, быстро ориентирующийся в разрешении вопросов, связанных с оперативной работой порученного ему дела. Тов. Шейнин хорошо овладел английским языком и хорошо знает рынок машиностроения в Англии.

Большая работоспособность, энергия и преданность делу социалистического строительства делает т. Шейнина весьма ценным работником.

2 ноября 1929 г., № 97000С, Аркос выдал отцу справку для домоуправления в Москве: зарабатывает 60 фунтов стерлингов, т. е. 250 червонных рублей. *Жилплощадь* (часть коммунальной квартиры) за работающими за рубежом сохранялась, но, видимо, за неё надо было платить в зависимости от зарплаты. Дом, в

котором находилась эта площадь, был кооперативным и квартиры были близки к частной собственности. Но примерно в 1936 г. они были национализированы, а членам кооператива деньги честно вернули – в страшно обесцененных рублях ...

По советским меркам оклад был громадный. Но ...

Недолго музыка играла,

Недолго фраер ликовал!

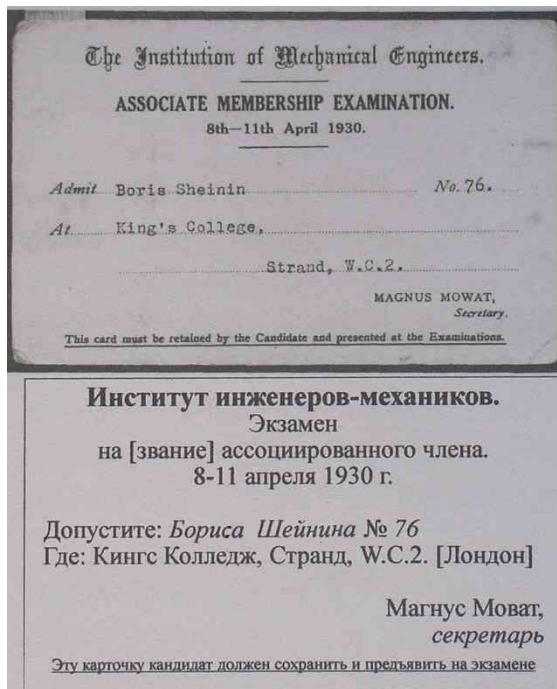
Стали за рубежом выдавать на руки, кажется, лишь четверть оклада, остальное, мол, получите по возвращении. Получали, возможно, по грабительскому курсу, позднее – сертификатами, по которым иностранные товары продавались в специально открытых магазинах. Но ... *Недолго музыка играла!* Ассортимент товаров в этих магазинах резко ухудшился, потому что валюта, попавшая к ним от нас, была изъята у них и истрачена на более важные нужды ...

Отец много почерпнул из английского общества по части деловых и человеческих отношений. Про изобретателя паровой турбины Парсонса рассказывал, что когда тот предложил поставить свою турбину на миноносец, английское Адмиралтейство потребовало от него крупный залог на случай, если опыт не удастся и придётся снова устанавливать прежнюю паровую машину: никакие мудрые расчёты не отменяют опыта жизни.

Налёт английской контрразведки на АРКОС в мае 1927 г. его никак не затронул, хотя из Англии было тогда выслано множество советских граждан. Проучившись около двух лет, отец окончил Лондонский политехнический вечерний институт им. Дж. Кэсса по специальности *Металлургия*, с разрешения руководства работал в Национальной физической лаборатории Королевского общества у академика [иначе: члена этого Общества] Розенгейна, в 1930 г. сдал специальный экзамен и стал ассоциированным (поскольку был иностранцем) членом весьма престижного во всем мире Института инженеров-механиков, основанного в 1847 г., в котором состоял изобретатель паровоза Джордж Стефенсон, выбыл из него в 1942 г. ввиду неуплаты

членских взносов, но восстановился в 1957 г. (сумма взносов была ничтожной).

В 1933 г., заочно и неожиданно, хотя и заслуженно, отец стал членом и другого общества – английского Института железа и стали и оставался его членом по меньшей мере до 1968 г. Был единственным в стране членом обоих этих институтов. Частично на основании его английских успехов отцу впоследствии присвоили звание доцента, хотя диссертации он и не защищал, да и какая могла у него быть диссертация, когда он наверняка не стал бы сдавать экзамен по марксистской философии.

Не испросив разрешения начальства (не иначе как опасался, что будут возражать), поехал во время отпуска в Берлин (см. ниже). Его отозвали в Москву с формулировкой “недисциплинированность”, а ведь не будь этого эпизода, оставался бы там, как он нам рассказывал, ещё долгое время.

Возможно, что узнали о его поездке по открытке, которую он послал в Москву, см. фотографию. Открытка прилетела в Москву на немецком дирижабле “Граф Цеппелин”.

Кстати сказать, сотрудники АРКОСа были обязаны соблюдать неписанные советские правила. Так, во время лондонских гастролей Шаляпина отца попросили не ходить на

Открытка, посланная отцом в Москву в 1930 г. Треугольный штемпель - немецкий. Спецгашение: “Воздушная почта. [Дирижабль] Граф Цепелин. Полет в Россию 1930”. Гораздо более ценны в филателистическом смысле подобные открытки не со стандартными, а со специально выпущенными (немецкими) марками.

его концерты. Вице-председателя АРКОСа А. В. Озерского нещадно прорабатывали за то, что его сын очень недолгое время провёл в семье весьма высокопоставленного местного чиновника. В годы Большого террора Озерского расстреляли.

Стать невозвращенцами не могли ни отец, ни мать: у обоих были в Москве близкие родственники, притом также и занимавшие высокие должности. Да и вообще отец как-то сказал, что не хотел бы жить в Англии: скучно. И, что важнее, быть может на всю жизнь сохранил социалистические идеалы (но никак не коммунистические, которых, быть может, и не имел никогда). Году в 1942-м мы узнали, что во время нашей жизни в Англии кто-то из органов приходил в Витебске к теще нашего дяди со стороны матери и выспрашивал её про отца. Она, конечно же, сказать ничего не могла, и визит был бесполезен.

Будучи в Англии, отец опубликовал (всего) не менее 19 газетных статей; в одном случае (*Торг.-пром. газ.*, 1929) он был назван лондонским корреспондентом, а в сентябре 1930 г. *Вестник металлопромышленности* попросил его стать “постоянным сотрудником”.

В декабре того же года *Новая техника* попросила отца разузнать о работе Рамзая 1913 г., мысль которого “так заинтересовала Ленина”. Газета выплачивала отцу небольшое вознаграждение и поэтому потребовала немедленно ответить, как он собирается выполнять их просьбу. Рамзай (правильней Рэмзи, 1852 – 1916), был химиком и физиком, Нобелевским лауреатом и почётным членом Петербургской Академии наук.

Вот содержание двух статей отца [12; 31].

1. “Массовые отправки” зерна, “не удовлетворяющего экспортным кондициям”, в своей “значительной части” возвращаются обратно. Следствие: прямые убытки плюс расходы на его дальнейшие железнодорожные перевозки. Возможная

причина по мнению экспертов: требование выполнять экспортные планы. Приводится немало цифр.

2. В Англии инженер силён умелыми техниками, которые, хоть и не знают высшей математики и действуют, как предписано, но в зависимости от своего опыта могут занимать любые должности, силён также и квалифицированными рабочими, многие из которых работают на одном и том же месте по 25 – 30 лет. Инженер – организатор нового, все детали знать не обязан, элементарная математика для него намного важнее высшей. Критикуется положение вещей в Союзе и указано, что 22 – 23 года – предельный возраст для окончания вуза и (мельком), что техников почти не осталось.

В 1930 г. отец получил телеграммы из газет *За индустриализацию* и *Новая техника*, каждая из которых согласилась оплатить отцу часть расходов на поездку в Берлин на Международную энергетическую конференцию при условии, что он пришлёт им свои письма о ней, и, как добавила первая из них, по возможности закажет “несколько статей видным иностранным участникам конференции”. Лондонские телеграфные бланки, заметим в скобках, были озаглавлены *Маркониграмма*.

MARCONIGRAM	
WIRELESS COMMUNICATION WITH THE AMERICAS, ARYSSINIA, ALGERIA, AUSTRIA, AIORE, BALEARIC ISLANDS, BULGARIA, CAPE VERDE ISLANDS, CANARY ISLANDS, CHINA, DUTCH EAST INDIES, EGYPT, ETHIOPIA, FOREIGN WEST INDIES, FRANCE, FRENCH INDO-CHINA, GREECE, HONGKONG, INDIA, ITALIAN SOMALILAND, JAPAN, MADEIRA, PALESTINE, PERSIA, PHILIPPINE ISLANDS, PORTUGAL, PORTUGUESE EAST AFRICA, PORTUGUESE WEST AFRICA, RUSSIA, SIAM, SPAIN, SUDAN, SWITZERLAND, SYRIA, TRANSJORDANIA, TUNIS, TURKEY, YUGO-SLAVIA, etc., and to SHIPS AT SEA.	
Please quote this number in any enquiry regarding this message at	No. 881
at RADIO HOUSE, 212, Wilson St., LONDON, E.C.2.	
RECEIVED	Via Marconi at (Time & Date): 1930 APR 28 PM 9 50
Office of origin No. of Words and remarks. (4 is a separation sign only)	
RMOHFW 28.	
B 16 MOSCOU 37 27 2150	
SCHEYNIN 35 HEATH HURST ROAD LONDON NW3	

На конференцию отец действительно поехал, притом от Института инженеров-механиков.

После возвращения в Москву отец опубликовал не менее восьми журнальных рефератов о работе английских заводов (1932 – 1934), нескольких газетных статей об английском опыте и около сотни рефератов на статьи из английских и американских журналов 1933 – 1934 гг. Последние печатала организация ЦИТЭИН (Центр, инст. экономики и технич. информации) Народного комиссариата тяжелой промышленности на отдельных плотных листках бумаги формата нагрудного кармана (1 – 4 страницы, изредка больше). А в 1930 – 1933 г. четыре статьи отца [51 – 54] появились в английских журналах.

3.4. Москва довоенная. По возвращении в Союз, в октябре 1931 г., я был назначен гл. инженером Горметмашимпорта по монтажу импортного оборудования (заменив иностранный шеф-монтаж, который обошелся в миллионы золотых рублей), был консультантом и старшим научным сотрудником НИИ Станков и инструментов (1931) и преподавал в Московском автомеханическом институте (ноябрь 1932 – декабрь 1934) на кафедре обработки металлов давлением и в 1933 г. был утверждён доцентом по технологии металлов. [Более подробно см. §

4.]

В феврале 1935 г. перешёл в НКТП и был назначен внештатным членом его Технического совета, а точнее, меня направил туда Орджоникидзе, сняв со всех работ, в том числе и с преподавания. [Впрочем, с октября 1934 г. по апрель 1938 г. отец одновременно был профессором и заведовал кафедрой металловедения и технологии металлов в Вечернем металлургическом институте при заводе Серп и Молот (и по июль 1939 г. – доцент, ибо на штатную работу в НКТП был переведён лишь с 1938 г.).

Совет был создан Орджоникидзе прежде всего как орган, определяющий техническую политику в отдельных отраслях тяжёлой промышленности, – создание новых и реконструкция старых отраслей промышленности, суждение о новых технологических процессах и оборудовании и их внедрении и т. д. Совет состоял из 10 человек, его членами были академики Винтер, Бардин, Веденев, Губкин, Доллежал, Брилинг, проф. Коссовский и др. (Доллежал и Брилинг – будущие академики. Но вот по приказу Орджоникидзе 17 февраля 1935 г. членами Техсовета были назначены Брилинг, Доллежал, Коссовский, проф. Шейнин и семь инженеров. Возможно, что это было изменение первоначального состава.]

Я ведал в нём чёрной и цветной металлургией, развитием машиностроения, подолгу бывал на заводах (Кр. Путиловец, Кр. Выборжец, им. Ворошилова, на уральских машиностроительных и металлургических заводах). Из проведённых работ отмечу реконструкцию группы южных металлургических заводов, создание уральской алюминиевой промышленности на базе новейшей техники, создание и реконструкция группы заводов по обработке цветных металлов на тех же основах. Важными были также работы по созданию никелевой промышленности. Мировые монополии прекратили продажу нам никеля, что привело к фактическому прекращению производства высокопрочных и коррозиестойких сталей не только для оборонной промышленности, но и для промышленности в целом: тяжёлого машиностроения, автотракторной, химической и т. д. Решено было построить крупный никелевый завод на базе Орско-Халиловских никелевых руд. У нас не было специалистов по проектированию никелевого завода, и из Франции была приглашена (по высокой рекомендации) группа инженеров во главе с инж. Божич, который сразу же был назначен главным инженером Главникельолова и гл. инженером проекта никелевого завода. Готовый проект комбината по распоряжению Орджоникидзе был дан мне на экспертизу – других специалистов в то время в Союзе не было. После тщательного изучения никелевой рудной базы на Урале и мировых процессов получения никеля проект Божича был мной полностью забракован как низкопроизводительный и основанный на технике каторжного французского завода в Н. Каледонии [остров Новая Каледония восточнее Австралии, владение Франции]. Божич отказался переделать проект и уехал во Францию. Новый проект первенца советского инженерного производства был составлен, уже на современной технике, по моим предложениям, и комбинат является одним из крупнейших никелевых предприятий Союза.

Меня обещали вернуть в вуз “по миновании надобности”, однако надобность никогда так и не минула. В Техсовете я проработал до смерти Орджоникидзе в 1937 г. и год после его смерти, отдав этому делу все свои знания, опыт и умение. В разгул репрессий, когда в живых из членов Техсовета кроме меня

остались только академики Бардин, Винтер и [будущий академик] Доллежалъ [оставшиеся также Брилинг, Губкин, Веденев не упомянуты], я перешёл в Наркомат чёрной металлургии (НКЧМ) в Гос. контору экспертизы проектов и смет Наркомата чёрной металлургии (НКЧМ) в качестве главного эксперта по строительству и реконструкции заводов машиностроения, провёл экспертизу по десятку заводов, в том числе Электростали, ванадиевому комбинату и пр. Проект крупнейшего ванадиевого комбината был мной отвергнут как намечавшийся строительством на (утверждённой ВЦИК СССР) неподходящей площадке в Медвежьей горе. [Выбрана она была, как рассказывал отец, прежде всего потому, что вблизи была рабочая сила – заключённые.]

Разработанный мной другой вариант комбината в другом месте и с иным, более современным оборудованием дал экономию одних только капитальных затрат в 50 млн рублей помимо многомиллионной ежегодной экономии эксплуатационных расходов. Этот вариант и был принят правительством. Он же лёг в основу [его техническая часть легла в основу] строительства Норильского комбината.

[Отец рассказывал, что при обсуждениях нового варианта руководство Конторы заняло выжидательную позицию, но после его утверждения поспешило приписать себе почти всю заслугу. В начале войны, оставаясь в НКЧМ, отец переехал в Челябинск, где на свою беду столкнулся с бывшим главным инженером Гос. конторы экспертиз. Тот постарался через наркомат направить отца на рядовую инженерную должность под Челябинском, от которой отец сумел вскоре отказаться.]

В марте 1939 г. отец читал лекции по металлургии чугуна и стали в Институте повышения квалификации инженерно-технических работников НКТП. В 1938 – 1940 гг. был также внештатным зав. кафедрой металлургии и технологии металлов Московского межотраслевого института хозяйственников, металлургическая специальность в котором затем была ликвидирована.

Во многих случаях (в том числе и упомянутых) отец работал по совместительству, в частности в Главном управлении учебных заведений НКТП. В мае 1933 г. был там председателем металлургической комиссии, членом которой состоял инженер Ванников. Вряд ли мы ошибёмся, добавив: будущий генерал-полковник инженерно-артиллерийской службы, нарком оборонной промышленности, нарком боеприпасов, затем среднего, т.е. атомного, машиностроения.

Вот некоторые из почётных и ответственных общественных обязанностей отца: член президиумов Всесоюзного научно-инженерного общества металлургов (1937 – 1941) и ассоциации научно-исследовательских учреждений чёрной металлургии (1937 – 1941); зам. председателя всесоюзного комитета по изучению стального слитка (1938 – 1941).

В октябре 1938 г. отец был в Обществе металлургов кроме того и членом трёх комиссий, а от имени Ассоциации учреждений чёрной металлургии составил и опубликовал сводный план работ НИИ и вузов чёрной металлургии в 1936 г. В августе 1935 г. Ленинградское научное общество чёрной металлургии попросило отца прочесть у них доклад по теме одной из его статей, обещав пригласить на него ведущих специалистов Москвы и Ленинграда.

Приведём две характеристики (помимо которых он имел ещё немало официальных благодарностей и премий).]

1. Профессор Автомеханического института К. Ф. Грачев (1933):

Принимает активное участие в технической жизни составлением разного рода статей технического и экономического характера. Обладает хорошими знаниями и эрудицией по технологии металлов ... Может дать слушателям

хороший материал современной техники и технологии ... Может хорошо исполнять обязанности педагога в качестве доцента ... непрерывно следит за литературой и всегда в курсе современной техники.

2. Справка Вечернего металлургического института 8 июня 1939 г.:

4 октября 1934 г. в должности зав. кафедрой металлургии стали ... был утверждён и. о. проф. Б. А. Шейнин. В этой должности, а затем ... в должности зав. кафедрой металлургии металлов т. Шейнин проработал ... свыше трёх лет. Будучи (ставши) штатным членом Технического совета НКТП, вынужден был оставить постоянную работу ... Проявил себя как опытный педагог, знающий свой предмет и владеющий аудиторией. Кафедра т. Шейнина всегда отличалась организованностью и слаженностью работы.

3.5. Защита чести и достоинства. В 1933 г. Автомеханический институт успешно ходатайствовал о присвоении отцу звания доцента и безуспешно – о звании профессора, хотя это дополнительное ходатайство и было подтверждено квалификационной комиссией НКТП. 6 декабря 1936 г. Высшая аттестационная комиссия отклонила его “ввиду отсутствия (у отца) работ, соответствующих докторской диссертации”.

Попробуем разобраться, почему.

Во-первых, до 1938 г. окончательное решение принимали наркоматы (БСЭ, 3-е изд., т. 21, 1975, с. 155, статья *Профессор*).

Во-вторых (там же) профессорами утверждались и “высококачественные специалисты с большим производственным стажем, не имеющие учёной степени, если они успешно проработали на штатной должности не менее семестра”, а ведь должность профессора отец исполнял с 1934 г. в Вечернем металлургическом институте.

Но, очевидно, особо неблагоприятную роль сыграла направленная против отца статья *Как делаются профессора* (газета *Техника*, 15 мая, видимо 1935 г.).

Приводим машинописное письмо отца в эту газету (без даты, по контексту – май 1935 г., вряд ли опубликованное), см. § 3.5.

В связи с вашей заметкой Как делаются профессора (15 мая) прошу опубликовать следующее.

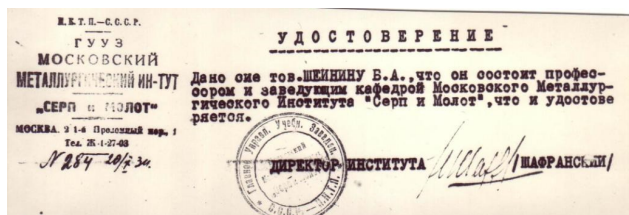
1. Закон [постановление?] об учёных степенях и званиях от 13 янв. 1934 г. считает, что учёное звание ассистента, доцента, профессора в отличие от учёной степени “определяет должностную научную функцию ...” Этим же постановлением ... “лица, занимающие должность профессора или доцента, но не утверждённые в порядке, установленном законом до издания настоящего постановления, должны получить утверждение” в указанном в законе порядке. Предельный срок утверждения ... установлен 1 янв. 1936 г.

2. Я утверждён доцентом ... в 1933 г. квалификационной комиссией ГУУЗ (Гл. упр. учебн. заведениями) НКТП, т. е. являюсь доцентом “в порядке, установленном законом”.

3. Квалификационная комиссия ... одновременно рекомендовала представить меня к утверждению в звании профессора ... в апреле 1933 г.

4. Занимая должность профессора Института, я, в соответствии с постановлением СНК [Совет народных комиссаров, высший исполнительный и распорядительный орган власти до 1946 г.] 13 янв. 1934 г. и с учётом рекомендации квалификационной комиссии был в 1934 г. представлен к утверждению в звании профессора. Впредь

до решения этого вопроса ...до 1 января 1936 г. я имею право считать себя профессором

5. Проведя в лабораториях Института сэра Джона Кэсса (Лондон) соответствующие лабораторные исследования, прослушав по рекомендации Института цикл лекций академика Розенгейна (директора металлургического отдела Национальной физической лаборатории ...), я был допущен к защите диссертации при Кингс Колледж Лондонского университета. После успешной защиты 8 апреля 1930 г. я получил английское звание, соответствующее нашему доценту.

6. По возвращении в Союз в 1931 г. я занял две должности: главного инженера монтажно-технического сектора Горметмаш-импорта и одновременно ст. научн. сотрудн. 1-го разряда научно-исследовательского ин-та, что по сегодняшней номенклатуре соответствует званию действительного члена научно-исследовательского ин-та. В 1932 г. я полностью перешёл на научную работу во втуз. Таким образом, я работаю в исследов. учреждениях Союза с 1931 г., а не с 1933 г., как указано в заметке.

7. Непрерывно следя за мировой технической литературой, я в порядке литературной работы посылал рефераты иностранных статей в ЦИТЭИН-Со. Последний опубликовал около сотни моих рефератов. Сотрудником его я никогда не состоял. Я перестал давать ему материал, так как счёл это дело для себя больше не интересным. Все сообщения вашей заметки о моей работе в ЦИТЭИНе и о том, что она не подходила – простые выдумки. Отзыв ЦИТЭИНа обо мне следующий: “Рефераты т. Шейнина проверены консультантами ЦИТЭИНа-Со и признаны весьма хорошими по содержанию и обработке”.

8. За время с 1919 г., а в особенности в период 1924 – 1930 гг., мной опубликованы около 100 технико-экономических статей в советской прессе, главным образом в бывш. *Эконом. жизни*, *Торгово-промышленной газете*, *Новостях техники* и др. Основные мои статьи касались (в сериях) вопросов производства, промышленного планирования, технического нормирования, себестоимости, импорта оборудования, качества его, постановки обучения во втузах и т. д. Ряд моих статей помещены передовыми или подвалами.

9. Однако, ни одна статья, а тем более ни один реферат мной в квалификационную комиссию не представлялись и там не находятся; на их научную значимость ни я, ни кто другой не претендовал. В комиссию я представил только неполный голый перечень статей, опубликованных мной в советской прессе. Кстати, в этом списке фигурируют также научно-популярные

лекции по металлургии и горячей обработке, “написанные ... на основе иностранного опыта и работы лучших заводов Союза и одобренные научно-методич. Советом Наркомпроса”. Этим лекций я также не представил, так как не считал их научными работами.

Таким образом, критическое усердие автора заметки по поводу некоторых моих статей произошло потому, что он сам, не видя их, возвёл в ранг трудов, а потом стал воинственно развенчивать. Никто кроме него их трудами не считал.

10. Увлёкшись разгромом, автор характеризует сотню моих статей в решающих промышленных органах Союза и по основным вопросам производства *пописыванием*. Редакции бывш. *Торгово-промышл. газеты* и *Новостей техники*, предшественниц *За индустриализацию* и *Техники* очевидно считали большим (фраза явно не окончена).

В 1930 г. я был делегирован английск. Институтом инж.-механиков на мировой (всемирный) энергетический конгресс в Германии в качестве его члена. В телеграмме ко мне в Лондон *Торг.-пром. газета* по этому поводу предложила: “Принимаем на себя половину расходов по поездке берлинскую конференцию при условии 1 статьи в *Торг.-пром. газету* и нескольких в *Новости техники*”.

Я полагаю, что инженер, командированный на мировую конференцию и получающий подобные предложения, не только *пописывает*. К стати, *Вестник металлопромышленности* писал в сентябре 1930 г. мне: “просьба быть нашим постоянным сотрудником”. Так же писали и другие технические журналы.

11. С 1930 г. я состою членом англ. Ин-та инж.-механиков и с 1933 г. – членом Института железа и стали. В бытность мою в Англии я был приглашаем объединённым научным обществом инженеров Лондона на его доклады, где я часто выступал. Краткая стенограмма одного моего такого критического выступления по докладу технического руководителя крупнейшего в Европе станкостроительного завода А. Герберта по поводу впервые выпущенных им автоматов напечатана в очередном выпуске ин-та (статья [51]), лежащем в деле. Это моё выступление, на которое я опять-таки нигде не ссылался вообще как на труд, вызвало особый гнев автора.

Я не вижу ничего зазорного в том, что я, советский инженер, являюсь признанным английским инженером и научным работником, что меня приглашают на заседания лондонских научных обществ, что мои критические выступления на этих заседаниях стенографируются и печатаются. Все склонения автора по этому поводу слов *мистер* и *джентльмен* характеризуют только нездоровый русский душок.

12. О моих научных трудах следует судить по их значимости, отзывам и результатам.

а) Одна из моих статей в англ. журнале *Металлурджи* (статья [53]) по вопросам уничтожения включений в стали снабжена следующим примечанием редакции: *Является весьма сомнительным, чтобы какие-либо из интересных методов, предложенных Шейниным по предупреждению сегрегации включений в стали и удалению газов были* (где-нибудь)

испробованы и т. д.

В стране, где родились или которая была второй родиной Бессемера, Томаса, Мартэна, Нэсмита, Корта, Сименса и др., подобную оценку предложенных мной методов получения здорового стального слитка со стороны авторитетного английского журнала я считаю для себя высшей похвалой.

Я позволю себе утверждать, что исследования Герцога в 1933 г. на заводе Тиссена в Германии касаются одного из моих предложений (вибрация стали при остывании). В 1935 г. на металлургическом заводе в САСШ (США) построена установка, работающая по этому принципу.

б) Другая моя статья в *Металлурджи* [55] касается вопросов непрерывного проката непосредственно из ковша, минуя изложницу. Она тоже вызывает иронию всезнающего автора. Для краткости скажу только, что вопросы непрерывного проката находятся сейчас в центре внимания инженеров Англии, САСШ, Германии как высшая ступень прокатного производства. Сейчас, в 1935 г., за границей построены целые установки для этой цели, но в 1933 г. этими вопросами почти никто не интересовался.

22 мая с. г. лично я получил от Комитета по изобретательству заявочное свидетельство на применённый мной при проведении своей исследовательской работы процесс горизонтальной отливки стальных слитков, вытекающий из основ моей статьи 1933 г. (она написана в 1932 г.). О значении непрерывного проката можно судить по номерам самой *Техники* 1935 г.

Совещание по этому вопросу 7 мая 1935 г. в Техническом совете НКТП постановило приступить к постройке установки по бесслитковому прокату и усилить исследовательскую работу в этой области.

в) Моя оригинальная статья (ср. [37]) по шариковым подшипникам (*Вестник металлопром.*) опубликована тогда, когда у нас пр-ва этих подшипников совершенно не было (СКФ производил у нас только сборку). Статья является первой и единственной в советской технической литературе. В иностранной литературе подобных материалов не может быть, так как производство шариковых подшипников коммерчески засекречено. Автора заметки, возможно, ввело в заблуждение примечание редакции *Вестника*, однако в письме ко мне 14 сентября 1930 г. *Вестник металлопром.* пишет: *Примечание нами сделано из осторожности. Просим не обижаться*, и тут же в письме *Вестник* пригласил меня постоянно сотрудничать. Иначе говоря, впервые столкнувшись с этим вопросом, редакция перестраховала себя припиской к моей статье.

г) Моя оригинальная статья по электроприводу станков является первой статьёй в сов. техн. литературе по времени. Она опубликована тогда, когда мы только вступили на путь внедрения электропривода. Статья основана на моем личном изучении вопроса на англ. станочных заводах. Это положительное обстоятельство я счёл необходимым подчеркнуть в статье, сказав “по сведениям, полученным непосредственно от англ. станочных фирм”. Автор заметки не постеснялся дать моим собственным словам ровно обратное значение. Достаточно прочесть статью, чтобы видеть, что в ней дан критический анализ

электроприводов, а не каталожный материал, в котором я решительно не нуждался, но видимо автору некогда было читать больше, чем заголовок статьи.

д) Наскоки автора заметки весьма характерны. По поводу моей статьи [39] *О новейших опытных топках пылевидного топлива*, которые [топки] я изучал в лаборатории научного института топлива в Гринвиче (Лондон), он восклицает: “какое же отношение имеют топки и топливо к технологии металлов”. Только этим своим замечанием он обнаружил себя как глубокий невежда, ибо горячую обработку металлов (основную часть технологии металлов) нельзя вести без нагрева металла, а значит без топлива и печей. Стало быть, изучение топлива, топок и печей обязательно для специалиста по технологии металлов. Кстати, сведения об этих экспериментальных топках в иностранную литературу не попали.

13. Умалая мои достоинства, автор ограничил мою деятельность неплохой приёмкой в Англии станков. Чтобы дополнить скромность его, необходимо сказать, что в период 1927 – 1931 гг. всё, что было закуплено в Англии в области станочного оборудования, молотового, прессового, металлургического и проч. тяжёлого, двигателей и др., – всё было принято лично мной и частично по моим указаниям под моей ответственностью. На каждом станке, стане, двигателе, машине и т. д. имеется мой приёмочный штамп и каждый из них снабжён подписанным мной сертификатом об испытании и годности.

Я сам закупил и принял в Англии всё оборудование для Магностроя, Кузнецкстроя, Луганскстроя и т. д. вплоть до валов турбогенераторов Днепростроя. В течение пяти лет я почти безвыездно работал на передовых английских заводах. Результаты моей работы: ни одной технически оправданной рекламации из Союза, прекрасное качество отправленного мной в Союз оборудования при 17% по стоимости забракованного на месте в Англии оборудования вплоть до браковок в миллион золотых рублей сразу (марганцовистое литьё на заводе Годфильда, Шеффилд) и глубокое уважение английских инженеров к моей работе и моим решениям. Этими результатами я горжусь не меньше, чем всем тем, что я написал и сделал.

14. В мом деле имеется ряд благоприятных отзывов научных работников Союза (в нем, кстати, отсутствует письменный отзыв 1934 г. академика Стоней, руководителя исследований станции турбинного завода Парсонса в Ньюкасле, в котором он пишет о своём “высоком мнении о [моих] способностях и знаниях”).

Последний отзыв в квалификац. комиссии давал заслужен. деятель науки и техники проф. Минкевич, один из крупнейших металлургов Союза, труды которого являются настольной книгой студента и инженера-производственника и который счастливо сочетает в себе глубочайшее знание науки с прекрасным знанием производства. Его отзыв основан на всей совокупности моей инженерной и научной деятельности. Будучи весьма строг к себе и другим, проф. Минкевич дал развёрнутую критику моих работ. Проанализировав все данные, он пришёл к заключению, что “совокупность глубокой научной эрудиции, прекрасного знания производства, полного знания новейшей иностранной техники,

оригинальность ряда работ и предложенных методов получения здорового стального слитка, серьёзного значения проводимой научно-исследовательской работы по непрерывной отливке, всё вместе взятое даёт [мне] полное основание претендовать на звание профессора”.

15. В течение последнего года я веду научно-исследовательскую работу по изучению условий охлаждения физико-химических свойств горизонтальных стальных слитков. Работа является продолжением моих экспериментов 1930 г. и статей 1932 – 1933 гг. На значимости этой работы останавливался проф. Минкевич. По этой работе я получил также заявочное свидетельство к-та по изобретательству. 10 мая с. г. английский научный Институт железа и стали в письме ко мне по поводу этой работы пишет:

Мы с интересом узнали из Вашего письма об исследовании структуры и неоднородности углеродистой стали, которое Вы производите. Я уверен, что наш редакционный комитет будет приветствовать возможность обсудить Ваш доклад по этому поводу с тем, чтобы его опубликовать в нашем журнале.

Достаточно добавить, что журнал Института является ведущим мировым журналом в области металлургии (выходит два раза в год объёмом около 50 печ. листов). Очевидно, что такое отношение к себе и к своей работе со стороны ведущего мирового научного общества я заслужил не только благозвучием своей фамилии. Доклад мной подготавливается на русском и английском языках.

16. Подготовка инженеров-металлургов во втузах НКТП находится под опекой и под прямым воздействием нескольких консерваторов-металлургов, так называемых теоретиков, потерявших всякую связь с нашим производством и имеющих слабое представление о новейшей иностранной технике.

Эти люди, до последней минуты яростно противившиеся и не допускавшие подготовки во втузах механиков металлургических заводов, восставшие против того, чтобы дать металлургам кроме химической и механическую базу, они и только они являются ответственными за машиноломство, которое мы наблюдаем на наших металлургических заводах, за выход из строя станков, печей и др. агрегатов, за затянувшиеся болезни освоения оборудования. Я это достаточно ясно сказал в своей статье *Разрушители машин*, которая была принята газетой *За индустриализацию* для опубликования ещё в сентябре 1934 г. (в составленном нами списке публикаций в § 4 этой статьи нет)

Автор заметки на поводу этих реакционеров радостно сообщает, что Ин-т стали был против введения у себя объединённого курса технология металла как базы для понимания конструкции и эксплуатации машин для производства и обработки металла и настоял перед Гл. упр. учебн. заведениями, чтобы сохранились отдельные не связанные между собой и общим руководством курсики: литейное производство ... (сварки и станков вообще нет).

Автор только ошибается в одном: на этом настоял в ГУУЗе не Институт стали, и не его Совет, а два – три наиболее консервативных работников, для которых глубокая

насыщенность современной металлургии сложнейшими механизмами осталась незамеченной. Резко химический уклон подготовки во втузе инженеров-металлургов, который они непрерывно приводили в пример у себя, в ГУУЗе и в комитете по высш. техн. образованию, является синонимом разрушения самых передовых машин – основы нашей индустриализации.

17. Совет Московского института стали никогда не возражал против моей кандидатуры в качестве руководителя его кафедры, тем более, против того, чтобы “иметь меня в своём числе”. Напротив, я являюсь членом совета института, веду самостоятельную исслед. работу в его лаборатории и неоднократно получал приглашения от него взять на себя зам. зав. специальной кафедрой ин-та.

18. Проф. Лысяков не только не является моим *приятелем*, но я и по сей день не знаю даже его имени и отчества, ни его телефона или адреса, и никогда, нигде с ним не встречался, кроме официальных заседаний с 1934 г.

19. Имея высшее техническое образование в Союзе (механика) и металлурга в Англии, имея военное образование, пройдя все этапы вплоть до высших военных и технических должностей в Союзе, являясь членом двух ведущих научных обществ Англии, я за свою 19-летнюю техническую и военную работу имел одни лишь прекрасные отзывы вплоть до благодарностей в приказе за “талантливую постановку работы, глубокое знание дела и проявленное умение”.

Дикая статья автора заметки, являющегося орудием нескольких реакционеров – противников механизации металлургических заводов Союза, могла появиться только с их помощью и с помощью подтасовки лживых слухов, соединённых со злобным вымыслом и технической неграмотностью автора.

Все указанные в этом письме материалы находятся либо в моём деле, либо у меня на руках.

3.6. Война. Служба в Германии. В 1941 г. южная металлургия была отрезана немцами. Была создана правительственная комиссия из группы экспертов под моим руководством для разработки мероприятий по увеличению производства чугуна, стали и проката на оставшихся заводах. Работа была выполнена в сжатые сроки и претворялась в жизнь (в том числе через Райзера).

Перевёлся в Челябинск, с января 1942 г., был гл. инженером Облпромсовета, директором прессового завода (изготовление боеприпасов) и учёным секретарём секции машиностроения челябинского Областного дома учёных, затем в Гипрооргстрое (механизация строительства на Орском металлургическом заводе), в феврале 1943 г. переведён в Наркомстрой гл. механиком главка, затем зав. лаборатории НИИХиммаша. В июне 1942 г. вместе с другим специалистом оказал серьёзную техническую помощь челябинскому заводу им. Колющенко.

Примерно год с сентября 1945 г. отец служил в звании подполковника в Управлении поставок и репараций Советской военной администрации с задачей вывозить оборудование, причитавшееся Советскому Союзу в счёт репараций. Получил разрешение “вести переговоры с нем. фирмами” из советской зоны оккупации о заказах на оборудование и товары (но не на закупки “за наличный расчёт”), ездил в командировки в разные города. Одно из командировочных предписаний “для выполнения специального задания” было выдано Штабом начальника тыла РККА. В ноябре 1945 г. отец получил благодарность за демонтаж заводов.

Отец свободно говорил по-немецки, окрестным ребятишкам постоянно раздавал конфеты, и вот два эпизода из его тогдашней жизни.

Где-то в Восточной Пруссии группе выселяемых немцев приказали направиться куда-то, оставив на месте разрешённые к вывозу чемоданы. Нетрудно догадаться, чем бы всё закончилось, но случайно это увидел отец, которому, повторим, дали звание подполковника. Он приказал оставить немцев в покое, и те с благодарностью кинулись к нему на шею. Кончилось это для него благополучно, но только потому, что его старинный знакомый,

военный, который служил где-то в органах, ограничился лишь просьбой – приказом не вмешиваться больше в их дела.

Однажды, уже в Берлине, советская комендатура арестовала какого-то немца, кажется, лишь потому, что был буржуем (вряд ли крупным). Его родственники пришли к отцу, который поддерживал добрые отношения с этой семьёй. Официально помочь им он не мог, но посоветовал вывести всё имущество из квартиры арестованного. Немцы этого в толк не могли взять, но совет выполнили – и как раз вовремя!

Отец нанял немца-водителя, но в основном сам водил свою машину (*Опель-кадет*, будущий *Москвич*), права получил в 1915 г., подписал их какой-то князь. Документ, к сожалению, не сохранился. Водителя отец, старший офицер, подыскал через биржу труда, что, наверное, было неслыханно.

3.7. Москва послевоенная. В 1948 г. отец перешёл на преподавательскую работу. Был доцентом Московского института народного хозяйства им. Плеханова (МИНХ, 1948 – 1950) и Московского пединститута им. Ленина (МГПИ, доцент кафедры основ производства, 1957 – 1963, и, после изменения профиля факультета, внештатным доцентом, 1963 – 1968).

Под моим руководством был спроектирован и построен четырёхэтажный лабораторный корпус [МГПИ].

С августа 1952 г. по 23 марта 1953 г. я был главным инженером завода *Стальконструкция* [Металлоконструкция], с июня 1953 г. по май 1957 г. – зам. главного инженера Краснопресненского комбината стройматериалов [объединявшего несколько заводов].

[Письмо 7 мая 1953 г. из Союзсантехмонтажа:

Прошу сообщить, согласны ли Вы работать в системе Треста № 16. Вам предлагается должность начальника участка в Бугульме (Татарской АССР).

Ушёл отец с работы в Стальконструкции по собственному желанию после смерти Великого Вождя и Учителя, после того, как лопнуло страшное дело еврейских врачей, и три месяца был без работы в Москве. Непонятно, но в Бугульму отец не поехал. Приведём соответствующие характеристики, включив написанную ещё до перехода отца к преподаванию.

Директор НИИХиммаша, профессор, доктор, будущий академик Доллежалъ:

В 1946 г. т. Шейнин Б. А. был приглашён на работу ... как специалист по проектированию и капитальному строительству пром. предприятий. Он принял самое активное участие в проектировании института, его лабораторий и Экспериментального завода ... а затем ... в должности Начальника капитального строительства непосредственно

руководил строительством института и Экспериментального завода.

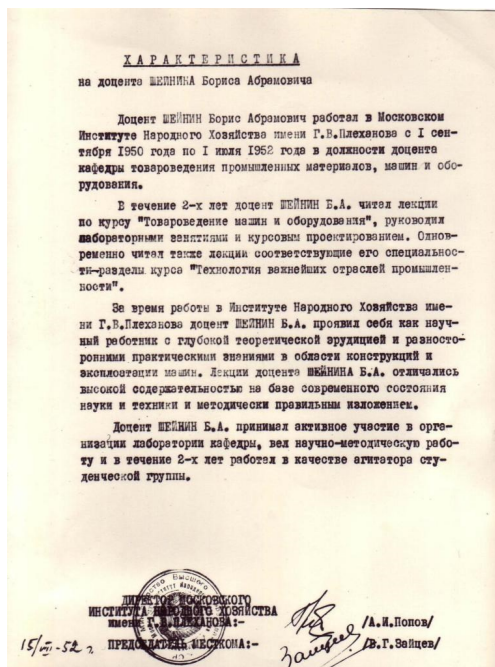
В 1947 г. был назначен зав. спроектированной им лабораторией термической обработки металлов, проявив при этом большую энергию ...

Проводил исследовательскую работу ... и оказывал повседневную техническую помощь Экспериментальному заводу ... Проявил себя как ценный, высококвалифицированный специалист, стоящий на уровне современной техники.

Более чем странно выглядит приказ по МИНХ 14 июня 1952 г.:

Освободить в связи с объявлением конкурса на замещение должностей доцентов. Впрочем, можно добавить. В то время отец был соавтором составляемого для Metallurgizдата учебника *Товароведение промышленных материалов*. Он написал две главы, включив в свой текст большое число фотографий оборудования английских заводов и отдал их редактору, он же – соавтор, профессор МИНХ. Никто из других соавторов так ничего и не написал, работа отца оказалась ненужной.

Почти уверенно можно сказать: работая как всегда добросовестно, да ещё и подстёгиваемый страшной обстановкой тех лет, он поставил этих других в безвыходное положение: они и не посмели ничего представить, и можно понять, как они отнеслись к отцу. Занятия отец проводил явно нестандартно: часто водил студентов на экскурсии на заводы (что, конечно же, ставилось ему в вину: отлынивает, мол, от лекций). Общаюсь со студентами, несомненно рассказывал им о своём английском опыте (а это уже было на границе дозволенного). Находил со студентами общий язык. Рассказал нам, что одна студентка даже советовалась с ним: выходить ли ей замуж за того, или за этого.

Ректор Моск. гос. пед. института им. Ленина, май 1963 г.:

Работал доцентом кафедры общетехнических дисциплин физико-технического факультета с 1 сентября 1957 г. ... читал лекции по основам машиноведения, руководил производственной и педагогической практиками. Являясь широко образованным

инженером с большим стажем руководящей работы на производстве, а также опытным педагогом, ... вёл занятия на высоком научном уровне ... Разработал методiku нового курса по основам машиноведения. ... автор многих работ, опубликованных в технических журналах, ... очень добросовестный и исполнительный работник. За руководство педагогической практикой ... была объявлена благодарность ... Характеристика дана для представления в конкурсную комиссию МГПИ.

Но опять же в мае, в другой характеристике, ректор добавил: *Освобождён в связи с изменением профиля подготовки учителя физики.*

Отец, будучи уже пенсионного возраста, продолжал работать в МГПИ внештатно до 1969 г. В марте того года он письменно попросил заводы в Иваново и Армавире прислать ему описания выпускаемых ими машин для подготавливаемого им пособия по лабораторным работам. Поведение исключительно необычное!

4. Послужной список

Мы составили его по Трудовым спискам и Трудовым книжкам отца. Более поздние записи (в Трудовых книжках) основаны на соответствующих приказах, а в Трудовых списках записи были частично занесены самим отцом со ссылками (в основном) на свой Учётно-воинский билет (УВБ). Внештатная работа очень редко различалась от основной.

- *Шофер-механик, 1915, Всероссийский земский союз
- *Исп. должность машиниста депо Ярославль (1915), справка 21.7.1916. Уволен в 1916 г.
- *Командир взвода 6-го сапёрного батальона и пом. начальника жел. дор. депо (1917 – 15 янв. 1918).
- *Пом. механика, 2-й Киевский механический завод (1918).
- *Член Киевского Совета рабочих депутатов (1918 – 1919), справка 22.2.1919
- *Член мандатной комиссии Киевского исполкома, удостоверение 22.2.1919 .
- *Член коллегии правозаступников при Ревтрибунале и народных судах (1919), удостоверения 26.3.1919 и 2.8.1919.
- *Начальник отряда Штаба охраны Киева при гор. Думе (1918 – 1919, справка ноября 1919 г. комендатуры Киевского совета.
- *Член коллегии химотдела (1919 – 1919, Комитета хоз. политики ВСНХ РСФСР, удостоверение 2.5.1919.
- *Член коллегии Управления снабжения армии (апрель 1919), Учётно-воинский билет (УВБ). Начальник снабжения фронта Украины (июль 1919), УВБ
- *Слушатель Академии Генштаба (окт. 1919), УВБ.
- *Начальник тяги, 26-й жел. дор. дивизион Кавказского фронта (май 1920), УВБ.
- *Командир полка 14-й армии (июль 1920)
- *Старший помощник Начальника штаба обороны Черноморского побережья и Чёрного моря (сент. 1920), УВБ.
- *Начальник штаба Отдельной крепостной стрелковой бригады Южного фронта (ноябрь 1920), УВБ.
- *Пом. зав. сектора, зав. сектором, начальник отделения Разведуправления Штаба РККА (январь 1921), УВБ.
- *Исп. обязанности начальника войсковой разведки Штаба войск Витебского района (окт. 1921), УВБ.
- *Пом. начальника отдела Разведуправления Штаба командующего войсками Украины (янв. 1922 – апр. 1922), УВБ
- *Студент Моек. высш. техн. училища, 1922 – 1924
- *Практикант, Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции СССР (4.1.1924)
- *Инспектор секции внешней торговли (1.8.1924); Старший инспектор, там же (1.4.1925 – 4.12.1926, Удостоверение и приказы по Наркомату.
- *Старший инспектор секции текстильной пром. Ревизионного отдела Отчетно-Ревизионного управления ВСНХ СССР (4.12.1926 – 25.3.1927, приказы по ВСНХ.
- *АРКОС, Лондон, Наркомат внешней и внутренней торговли СССР

(командирован 27.3.1927).

*АРКОС (9.4.1927 – 15.8.1931; приказы и распоряжения по Аркосу.

Инженер-консультант правления, до 24.8.1927.

Пом. зав. отделом металлоимпорта и зав. отделом приёмки, до 1.1.1930.

Старший инженер секции станков, до 2.1.1931.

Старший инженер секции тяжёлого оборудования и металлургии, до отъезда в Наркомвнешторг СССР.

Дополнительно: секретарь комиссии по импорту; председатель комиссии по приёмке пароходов.

*Зам. зав. силового сектора, Машиноимпорт (30.8.1931 – 15.10.1931), распоряжения по Машиноимпорту.

*Зам. начальника и главный инженер контрольно-техн. сектора, Горметмашимпорт (17.10.1931 – 15.9.1932, распоряжения Горметмашимпорта.

*Доцент Моск. автомеханического института (16.9.1932), приказ по инет.

*Старший инженер (1.10.1933) и вр. исполн. должность руководителя группы аспирантуры и н.-и. работ (1.11.1932), Гл. упр. учебн. заведениями (ГУУЗ) Наркомтяжпрома.

Руководитель указанной группы (1.2.1934).

Старший инженер отдела ВТУЗов, там же (23.4.1934).

*Зав. кафедрой Моек, металлургич. инст. (4.10.1934), приказ того же числа “с освобождением в Моск, автомех. инст.”.

*Старший научн, сотрудник ГУУЗ (1.1.1935), приказ по ГУУЗ 3.1.1934?.

*Член техн. совета по тяжёлому машиностроению, Наркомтяжпром (1.3.1935, до 1.10.1938), приказ 25.2.1935.

*Главный инженер Техн. совета (3.11.1938); Главный инженер производственно-технич. отделов (16.7.1939), Всекомпромсовет.

*Старший инженер-эксперт, Гос. контора экспертизы проектов и смет Наркомата чёрной металлургии (25.4.1940).

*Главный инженер Челябинского облпромсовета (10.12.1941).

*Предс. оргбюро (директор) артели (фактически – завода) *Штамп*, Челябинск (24. 3. 1942 – 29.4.1942).

*Призван в армию; освобождён после отказа от моего использования по специальности

*Главный механик (16.2.1943), Главный механик-зам. главного инженера Управления капитального строительства (29.2.1944 – 9.9.1945), Главсантехмонтаж.

*Спецкомандировка (демонтаж оборудования в Германии), до 15.8.1946. Предписание Штаба тыла РККА. Откомандирован 22.10.1946.

*Начальник отдела капитального строительства (28.10.1946). Начальник лаборатории (25.5.1947), Ниихиммаш.

*Главный технолог Союзпромзапчасть (31.8.1948 – 8.5.1949).

*Начальник техн. отдела, завод Мосштамп (21.6.1949 – 22.5.1950).

*Доцент, половинная ставка, кафедра товароведения промтоваров (1.9.1950), полная ставка (1.12.1950 – 30.6.1952), Моск. инст. народного хозяйства им. Плеханова. Был принят впредь до проведения конкурса. Освобождён в связи с объявлением конкурса.

*Главный инженер завода Металлоконструкций, трест *Строитель* (1.8.1952 – 23.3.1953).

*Зам. главного инженера Краснопресненского комбината стройматериалов (8.6.1953 – 28.9.1957).

*Доцент, половинная ставка, кафедра основ производства (28.5.1957), полная ставка (15.7.1957 – 31.8.1963), Моск. пед. институт им. Ленина. Освобождён в связи с сокращением учебных поручений.

*Старший инженер ЦНИИ информации и техн.-экон. исследований промышленности стройматериалов (5.8.1965 – 5.10.1965). Временная работа.

*Руководитель группы Центр. проектно-констр. бюро Минмонтажспецстроя (1967, один месяц, временная работа).

5. Научная работа

Отец опубликовал большое число сообщений о новой иностранной технике и намного больше совсем кратких рефератов, и эта работа не считалась научной. Мы полагаем, что подобное (сохранившееся до сего времени) отношение в корне ошибочно. В 1952 г. рост числа публикаций в науке и технике заставил советскую Академию наук учредить Институт научной и

технической информации, который и по сей день издаёт десятки реферативных журналов, а в статье *Информатика* (БСЭ, 3-е издание, т. 10, 1972, с. 348 – 350), в столбце 1035 появился термин *научно-информационная деятельность*. И реферат тем более ценен, если написан по собственной инициативе, если автор сам нашёл что-то интересное и описал это, а ведь так оно и было с отцовскими газетными информационными статьями.

Да и будто бы чисто научные статьи и книги, не говоря о юбилейных статьях, очень часто содержат реферативную (обзорную) часть.

И вот примечание отца:

Судьбу многих статей, которые я посылал из Англии в период 1927 – 1931 гг. и относящихся к различным областям техники, я не могу определить, так как в Англии получались не все газеты и журналы, а определить в редакциях много лет спустя мне не удалось, тем более, что ряд издательств был реорганизован.

В одном из списков своих работ он указал: “и ряд других статей”, в другом – “помимо того, ряд производственных и технических статей в журналах *Металлургия, Тепло и сила* и др. и около 100 рефератов иностранных статей”. Кроме того, немало методических пособий, редактирование английской рукописи *Общий курс слесарного дела* для издательства *Высшая школа* (1967 г.) и какого-то руководства, также на английском языке, которое оказалось для служебного пользования.

Были у отца статьи, представлявшие собой серьёзные рационализаторские предложения (по причинам, от него не зависящим, вряд ли принятые), были и неплохие успешные предложения о технологии производства на том или ином заводе, например, в Челябинске, см. § 3.6.

27 – 30 марта 1948 г. отец получил три Справки о первенстве (о приёме заявлений о выдаче авторских свидетельств) от Управления по изобретениям и открытиям Госкомитета по внедрению передовой техники. Все они, видимо, оказались безрезультатными, и мы можем только добавить, что одна заявка (непосредственное получение синьки чертежа) не рассматривалась, потому что пропали сопутствующие чертежи. Ещё одно Заявочное свидетельство отец получил в 1935 г. (см. § 3.5), но его результат нам не известен.

Наконец, многое, упомянутое в § 3.5 также относится к научной работе.

Список публикаций

Мы не включили методическую литературу, но вот, к примеру, методическое пособие по курсу *Основы машиноведения* для специальности *Математика и черчение* пединститута, правда, не опубликованное, без даты, заняло 81 страницу машинописи. Сам отец (§ 3.5) указал, что к середине 1935 г. опубликовал “около ста технико-экономических статей”.

1. Заменители в химической промышленности. Киев. *Области, известия Киевской области*. 1919, май.
2. На Анатолийском фронте. *Известия*, 25 сент. 1921.
3. Русский торговый флот в хлебо-экспортной кампании. *Вестник путей сообщения*, 1924, № 42, с. 11.
4. Мелочи хлебо-экспортной кампании. *Экономич. жизнь*, 1924, 28 авг.
5. Стандартизация сельскохозяйственных машин завода *Красная звезда. Производство, труд, управление* (Харьков). 1925, № 6, с. 69.
6. Вопросы хлебного экспорта и элеваторное хозяйство в портах. *Вестник промышленности, торговли и транспорта*, 1925, № 1, с. 77.
7. Улучшение качества экспорта – первоочередная задача. *Экономич. жизнь*, 1925, март 7 – 10.
8. К вопросу об учёте ввоза. *Хозяйство и управление*. Москва, 1926, № 7 – 8, с. 95 – 97.
9. Снабжение промышленности импортным оборудованием. *Известия Одесск. Губисполкома*, 1926, 6 июля.
10. На большом участке импорта. *Экономич. жизнь*, 1926, 28 апреля.
11. У корней наших экономических затруднений. *Экономич. жизнь*, 1926, 12 мая.
12. Почему нерентабелен экспорт. *Экономич. жизнь*, 1926, 9 сентября.
13. Сохранить ли товарные биржи. *Экономич. жизнь*, 1926, дек.
14. Ошибки капитального строительства. *Экономич. жизнь*, 1926, дек.

15. О договорной дисциплине в промышленности. *Торг.-промышл. газета*, 1927, 26 янв. Передовая.
16. Пути снижения себестоимости. *Торг.-промышл. газета*, 1927, 5 марта. Передовая.
17. Неурядицы с импортом оборудования. *Торг.-промышл. газета*, 1927, 3 апреля.
18. Пути ускорения выполнения наших заказов за границей. *Торг.-промышл. газета*, 1927, 19 июня.
19. Дефекты приёмки заграничного оборудования. *Торг.-промышл. газета*, 1927, 2 авг.
20. Качество заграничного оборудования. *Торг.-промышл. газета*, 1927, 24 сент. В др. списке указано: передовая, 4 сентября.
21. Почему не снижаются запасы материалов в производстве. *Экономич. жизнь*, 1927, 25 янв.
22. Против существования ненужных аппаратов в металлопромышленности. *Хозяйство и управление*, 1927, № 3.
23. О заграничных командировках. *Торг.-промышл. газета*, 1928, 8 мая
24. О задержках заказов на импортное оборудование. *Торг.-промышл. газета*, 1928, 10 июня.
25. Производство металлорежущих станков и новый режущий инструмент. Серия статей. *Новая техника*, 1929, №№ 2, 4, 9, 11, 13, 16, 24, 28
26. Рационализация процессов в английских литейных. *Нов. техника*, 1929, № 4.
27. Английский музей техники безопасности. *Нов. техника*, 1929, № 18, с. 10 – 11.
28. Судоходная и судостроительная выставка в Лондоне. *Нов. техника*, 1929, № 19 – 20, с. 11.
29. Мирная война автотранспорта. *За рулём*, 1929, № 10, с. 19 – 20.
30. Ещё об аэропланах де Сирва. *Нов. техника*, 1929, № 19 – 20.
31. Молодой инженер или старый студент. *Торг.-промышл. газета*, 1929, 8 февраля
32. Локаут в английской текстильной промышленности. *Торг.-промышл. газета*, 1929, 6 авг.
33. Лучше организовать работу импортных организаций. *За индустриализацию*, 1930, 12 ноября.
34. О комиссионерах на Россию и наших переплатах на импорте. *За индустриализацию*, 1930, 26 сент.
35. Новая тенденция в строительстве средств передвижения. *Нов. техника*, 1930, № 4.
36. Производство шариковых подшипников. *Вестник машиностроения*, 1930, № 4, с. 225 – 237.
37. Направление развития индивидуального электропривода. *Техника*, 1930, VII.
38. Новейшие опытные мощные топки для сжигания пылевидного топлива. *Тепло и сила*, 1931, № 9, с. 49 – 50.
39. Новейшие английские металлорежущие станки. *Станки и инструмент*, 1931, № 9.
40. Рентгеноскопия в машиностроении. *Оргинформация*, 1931, № 7.
41. Технологические основы выбора режущего инструмента. *Оргинформация*, 1932, № 4.
42. Работа и выбор резца. *Оргинформация*, 1932, № 4, с. 28 – 36.
43. Индивидуальный электропривод английских металлорежущих станков. *Оргинформация*, 1932, № 5, с. 3 – 16, с 36 фотографиями.
44. Испытательные машины и их применение. *Оргинформация*, 1932, № 6, с. 17 – 18.
45. Изложение доклада. *Соц. реконструкция и наука*, 1935, № 6, с. 171.
46. Чугунные изложницы для стальных слитков. *Сталь*, 1938, № 5, с. 42 – 47. Отзыв академика И. П. Бардина: *Материал ... очень интересен ..., поэтому его надо напечатать с сокращением в описательной части. Странно, что ничего не говорится об опыте изготовления изложниц ... непосредственно ... как это проводится в США ...*
47. Структура горизонтально отлитых слитков. *Металлург*, 1939, № 5.
48. Брикетирование в процессах подготовки металлического лома и руд к плавке. *Предприятие*, 1945.

49. Свойства и термическая обработка новейших сплавов на никель-молибденовой основе. *Социнформация*, 1948, апрель

50. Материально-техническая база городской школы. *Школа и производство*, 1963, № 6.

Статьи на английском языке

51. К разбору автоматов Альфреда Герберта. *Тр. Ассоц. инженеров*, 1930, май.

52. Рентгенология крупных поковок. *British Gazette*, 1931, No. 5.

53. Heterogeneity of steel castings. *Metallurgy*, 1932, No. 5.

54. Замена прокатки непрерывной отливкой простых сечений. *Metallurgy*, 1932, No. 7.

55. Бесслитковый прокат. *Metallurgy*, 1933, No. 6.

6. Итоги

Отцу везло. В гражданскую войну был только ранен, контужен и перенёс два тифа. Ловушку Петерса (см. ниже) раскусил. В довоенное время только получил несправедливый отказ в профессорском звании. В страшные сталинские годы только сбегал с работы, уединялся и безусловно дрожал, но не был даже объявлен английским шпионом. В начале войны только получил молчаливый отказ в возвращении в военную разведку, а в 1946 г. даже вышел сухим из воды, хоть и заступился за изгоняемых немцев.

В конце жизни ... только оказался ненужным. Вот такие итоги.

Хранил подходящую газетную вырезку со стихотворением Расула Гамзатова *Дорога* с таким четверостишием:

Впрочем, надежды бывали пустыми,

Те, что в начале кружащейся мглы

Ярко горели, да скоро остыли,

Стали обычною кучкой золы.

То, что вы, дорогой читатель, увидите ниже, это не жалобы, это попытки сильного, с богатейшей биографией человека защитить перед людьми свою поруганную честь (как бы сказали раньше, “честь офицера”) и восстановить своё достоинство, – попытки в те времена, увы, обречённые на неудачу ...

Зам. Председателя совета министров СССР

тов. В. И. Кочемасову

По ходатайству ректората, партийной и профсоюзной организаций Московского гос. Пединститута им. Ленина Министр просвещения тов. Афанасенко обратился к Вам с просьбой установить мне персональную пенсию как имеющему особые заслуги перед государством. В этом мне отказано. В целях справедливости прошу Вас пересмотреть своё решение.

Следует выдержка из заявления о Лукьяновском отряде, см. § 3.2.1.

Каждый из мне подобных кадровых войсковых разведчиков, и я в том числе, совершил на полях сражений и в тылу врага не одно действие, которое сейчас именуется геройским. Победы войск обязаны и разведке. Высшие войсковые командные должности, которые я занимал по разведке, очевидно, означают, что я надёжно обеспечивал свои войска и Главное командование Республики разведывательными данными.

Я никогда не искал чинов и верой и правдой служил революции. У меня порваны обе барабанные перепонки, перебита нога, пробит череп и прострелен живот, переболел в армии сыпным и

возвратным тифами, но считал для себя недопустимым отойти от революционной борьбы и даже в документах везде писал здоров.

У меня нет орденов. И ни у одного из известных мне высших разведчиков того времени не было орденов, и я сам не просил орденов для своих разведчиков (как и для строевых солдат и командиров), многие из которых совершили поистине героические подвиги и сложили свои головы. Я прошёл всю лестницу разведки на суше и на море (Врангель) и десятки раз ставил свою жизнь на карту, не ожидая ни наград, ни орденов. Таков был закон того времени. Только тот, кто был разведчиком в расположении и в тылу врага, понимает, кто такой Разведчик и каких качеств от него разведка требует.

Неоконченное письмо

Главному редактору газ. “Известия”

Пишет Вам старый охотник и рыболов, человек многих профессий и званий, – шофёр, жел. дор. машинист, инженер и металлург, учёный свой [советский] и зарубежный [член Института инженеров-механиков и Института железа и стали (Великобритания)], ветеран Октябрьской революции и нескольких войн, разведчик всех рангов вплоть до Главного штаба республики, беспартийный, которому Мария Ильинична Ульянова, секретарь газеты Правда, неоднократно и настойчиво предлагала вступить в партию, и отказывавшийся от этой чести, считая, что такое действие может быть понято как стремление получить служебные выгоды, строевой подполковник в/о (в отставке), не пользующийся никакими благами и льготами, находящийся на обычной пенсии, которому отказано в персональной пенсии несмотря на ходатайство ВУЗа и др. организаций, ибо я беспартийный и награждён только орденом Кр. Звезда.

Я самовольно пользуюсь только одной льготой – входить в вагон [трамвая] с передней площадки, стоять очень нетвёрдо на ногах (мне немного меньше 80 л.) и ждать – может, кто-нибудь догадается уступить мне место ...

Отец был способным и целеустремлённым человеком. Во время школьных экзаменов отвечал без подготовки; через много лет помог своей младшей сестре Славе, которая заканчивала медицинский институт, написать дипломный проект. Его работа помощником машиниста и военная служба были в большой степени вызваны желанием доказать, что на этих необычных для евреев поприщах они ничем не хуже других. Выяснил (но доказать, конечно, не мог), что раздатчик топлива на железной дороге обделял его мазутом, чтобы делиться его избытком (и премией, причитавшейся за его экономию) с доверенными помощниками машинистов.

После Февральской революции, когда евреям разрешили поступать в военные училища, отец заканчивал инженерное училище, должен был стать прапорщиком. Впоследствии зарыл где-то офицерский перстень. Рассказав об этом, пояснил: за перстень могли расстрелять.

Историю с обороной Зимнего мы не можем прояснить полностью. Воспоминания написаны почерком отца, да и стиль, похоже, его. Весьма возможно, что юнкера, защищавшие Зимний, сдались и что некоторые из них перешли на сторону нападавших, притом даже в соответствии со своими убеждениями. Из других источников известно, что после взятия Зимнего Дворца его пришлось охранять от разграбления. Возможно, что в его охране участвовали некоторые юнкера. Во всяком случае, отец рассказывал, что защищать Зимний не хотел, но пришлось, потому что большинство юнкеров так решило.

И всё же весьма странно: отец разоружал Женский батальон смерти, а на следующий день с запиской Чудновского был направлен в Смольный, выполнял различные поручения, но и, кроме того, отец стал прапорщиком (когда?), см. § 3.1, – так могла ли Школа прапорщиков продолжать занятия и выпускать офицеров?

Один из нас (О. Ш.) полагает, что отец защищал Зимний, будучи уже прапорщиком, другой (Л. Ш.) считает, что был он ещё юнкером, а впоследствии был выпущен прапорщиком, быть может, скоропалительно. О положении в Петрограде и в самом Зимнем Дворце в преддверии штурма см. Троцкий (1997).

Отец мало рассказывал о своей работе в разведке, что и понятно, да и вообще никогда не старался выпячивать свою роль в чём бы то ни было. Это, конечно, заметит каждый читатель. И пока мы не подросли, он никогда ни единым словом не упоминал о политических событиях.

Эпизод с предотвращением поставки гидросамолётов Врангелю (§ 3.2.3) почти неизвестен. Капитан французского миноносца в конце концов согласился передать самолёты красным, что вызвало недоумение отца; впрочем, см. там же.

Из Академии Генерального штаба отца через год отчислили за то, что он отказался пойти на какую-то лекцию Ленина: Ленин, мол, не военный, так зачем его слушать? Весьма вероятно, что сказала и злопамятность Дыбенко, секретаря парторганизации Академии. В своё время он командовал дивизией береговой обороны под Одессой и получал спирт для протирки оптики своей артиллерии. Стало известно, что матросы употребляют спирт по другому назначению, и расследование поручили отцу. Его результатом Дыбенко оказался крайне недоволен.

Но отец успел получить в академии необыкновенно важную в те годы “революционной справедливости” справку:

Настоящая бумага выдана слушателю академии Г(енерального) Ш(таба) в том, что на основании приказа Революционного Военного Совета Республики от 18 сентября 1918 г. за № 5 квартира, занимаемая его семьёй (родителями и младшей сестрой), находящаяся в Витебске по Шоссейной улице, не подлежит уплотнению, а равно семейство его не подлежит ни принудительному выселению, ни назначению на принудительные работы.

Военный комиссар (подпись)

Отец был убеждённо беспартийным, а почему все-таки пошёл вместе с большевиками, объяснил просто: “У евреев не было выбора”. Не к белым же идти, не к Махно, Петлюре или зелёным!

И всё же немало евреев служило в белых армиях.

Вызвал его как-то тогдашний руководитель военной разведки Петерс: не согласитесь ли стать резидентом в Турции? Форма предложения была такая, что отец ясно ощутил: его проверяют, не захочет ли он уйти за рубеж? И решил, что если согласится – расстреляют. Поэтому, и в соответствии со своим убеждением, ответил, что военным следует овладевать техникой, которая непременно окажется основой следующей войны, и попросил направить в Московское высшее техническое училище (ныне им. Н. Э. Баумана), что и было сделано.

В Москве отец стал частично разъездным членом Технического совета при наркомате тяжёлой промышленности Г. К. Орджоникидзе. Ездил по заводам, где что-то не ладилось, решал возникающие проблемы. Давал отзывы на проекты новостроек, забраковал какой-то проект, представленный французами, потому что английские заводы были гораздо лучше. Прочитав критику одного из проектов, Орджоникидзе усмехнулся, кивнул на вертушку – телефон прямой связи с высшим руководством страны – звони, мол, сам и докладывай Сталину, что проект негодный ... Речь шла о никеле, производство которого тот держал под контролем. Проверял отец и бухгалтерские отчёты, чему провинциальные специалисты немало удивлялись: откуда у инженера такие познания? Откуда? Из Витебского коммерческого училища.

Кажется, в 1934 г. отец пригласил свою сестру Асю с сыном Юликом (оба погибли в 1941 или 1942 г., глава семьи тоже, хотя и позже) приехать к нам на неделю из Латвии. Юлику всё очень понравилось, он даже захотел остаться в Москве. Вряд ли это было возможно, к тому же отец посоветовал: если уезжать из Латвии, то в Англию. Не прислушались ... Юлику, правда, ещё удалось удрать из Риги вместе с еврейскими беженцами, но их поезд был где-то задержан советскими военными железнодорожниками и отправлен обратно ...

Когда в 1937 г. Орджоникидзе, предчувствуя арест, застрелился (высказывалось и мнение, что его застрелили, инсценировав самоубийство), и покончил с собой председатель Технического совета наркомата Пудалов, отец перешёл в систему Промкооперации, самое непрестижное ведомство. Почти год, а может и дольше не подходил дома к телефону, а кто-то настойчиво названивал: *Знай, что мы тебя не забыли!* Мы должны были отвечать, что его нет; кому надо, пусть, мол, звонят на службу. Затем отцу пришлось переменить несколько мест, неизбежно опускаясь все ниже по служебной лестнице. Причина была серьёзная: его вежливо просили стать доносчиком, он же на следующий день после этого подбрасывал начальству заявление об уходе и исчезал. Его через какое-то время находили и всё начиналось заново, но в конце концов от него отступились. Была и другая причина для смены службы. По крайней мере один раз он ушёл с работы после ареста какого-то идейного сослуживца; отец заранее решил, что если того арестуют, пора будет уходить.

При своём первом увольнении отец на неделю выехал куда-то в Подмоскowie ловить рыбу. Начальство, не понявшее его поступка, звонило нам, но мы не знали, где его искать.

Впоследствии отец говаривал, что его так и не посадили, потому что он сбежал со службы, как только там появлялся кто-нибудь из органов. Добавим: и потому, что не общался абсолютно ни с кем в неофициальной обстановке, а, главное, ни в какой партии никогда не состоял. В те страшные годы он формально развёлся с нашей матерью: если посадят, она не станет женой врага народа. Через много лет они снова оформили брак ...

Во время войны мы с матерью эвакуировались в Челябинск, затем отец перешёл на работу туда же. И когда война, казалось, вот-вот будет проиграна, отец как-то обронил: “Если бы немцы не были такими зверьми ...”

В 1942 г. отец был в Челябинске директором небольшого военного завода, уволил какого-то проходимца-снабженца и чуть ли не на следующий день получил повестку из военкомата. Его направляли на краткую общевоинскую переподготовку, но он отказался ехать. Я, мол, штабной офицер, разведчик, направляйте куда положено. От него отстали; где-то выше, видимо, побоялись после Англии, к тому же еврея, допускать к серьёзной штабной работе.

Родители отца и его младшие сестры оказались в Мантурово, в Костромской области, в тяжёлых условиях, и его отец (наш дедушка) почти сразу же умер. Сохранились письма отца своей матери. Он настойчиво советовал продавать вещи, покупать продукты, посадить картошку ... Сильно жалел, что помочь ничем не может.

В тяжёлые годы борьбы с космополитизмом, когда даже пенициллин объявили русским изобретением, отец вспомнил о воплях обезьяньей стаи из *Книги Джунглей* Киплинга:

Мы велики, мы свободны, мы замечательны. Мы самые замечательные создания во всех джунглях. Мы все говорим это, а потому это должно быть правдой.

Уникальный жизненный опыт, знание людей и независимость суждений были его неоспоримым жизненным капиталом. Однако по французской поговорке – наши недостатки суть продолжение наших достоинств, он плохо слушал других и часто не желал вникать в их возражения, что иногда отчуждало его от окружающих. Этот недостаток он преодолел к концу жизни, когда перешёл на преподавательскую работу.

Здоровье у отца было скверным ещё с гражданской войны (был ранен, контужен, перенёс два тифа, испортил пищеварение). После 1945 г. добавился диабет, а затем и другие серьёзные заболевания. Очень возможно, что в основном они были вызваны многолетним страхом за свою свободу и даже жизнь. Водил свою старенькую машину. Несколько десятилетий, частично с братом Михаилом, материально помогал и опекал своих младших сестёр. Водительские права получил в 1916 г.; его инструктором был будущий академик Е. И. Чудаков (специалист по машиноведению и автомобильной технике), отец считал себя одним из старейших водителей страны. Права получил и в Англии. В последние годы жизни отец увлёкся нумизматикой, хотя терпения, необходимого коллекционеру, не хватало, безуспешно возражал в обществе московских нумизматов против практики скупки монет за бесценок у населения.

Отец и Михаил, наш дядя, были очень близки, помогали друг другу, чем могли. Михаил вступил в партию в 1919 г., чуть ли не в 16-и летнем возрасте. В 1937 – 1952 гг. был директором московского завода *Газоаппарат*, но после планово-хозяйственных обвинений (возможно, в некоторой степени обоснованных) стал директором небольшого механического завода. Проходила в то время кампания по снижению запасов на предприятиях, работать надо было с колёс. Был на *Газоаппарате* запас труб для производства, их передали в цеха, специальная комиссия же решила, что излишние запасы были тем самым скрыты.

Умер дядя Миша в октябре 1955 г. В письме 1942 г., узнав про эпизод с увольнением снабженца (см. выше), он заметил, что отец не имел опыта обращения с людьми (т. е. с мошенниками).

В 1967 г. отец написал (видимо безрезультатное) письмо в *Вечернюю Москву*, в котором сравнил описанный в газете позорнейший случай, происшедший в московском вузе (одинокую преподавательницу обманным путём заставили сделать аборт и уйти с работы) с гуманным отношением к одиноким женщинам в Англии. Вот строки из его письма:

Разбитые, опозоренные женщины с тяжёлыми душевными ранами вынуждены бежать со своих мест, а их палачи шли и ходят с поднятыми носами – вот какие мы бюстители нравственности и морали на 49-м – 50-м году революции.

Он ещё верил во что-то ... Хранил несколько газетных вырезок на ту же тему: к людям надо относиться по-человечески, – в поликлинике, в товарищеском суде ...

В 1960 – 1970 гг. посылал письма в *Вечернюю Москву* и *Известия* о проблеме водитель – пешеход, о давно уже упущенной возможности построить города-спутники, о городском хозяйстве. В 1957 г. построил дачу в Красной Пахре. Лет через восемь возле нового посёлка выросли четырёхэтажные дома, их заселили местными жителями, они в основном заселили и посёлок. Роща между домами и посёлком постепенно уничтожалась, отец же протестовал против этого. Лет за 10 написал не менее 20 писем, в том числе в самые высокие инстанции, но борьба была безнадёжной.

По крайней мере два письма отца были непосредственно обусловлены его специальностью. Первое он написал в 1943 г. своему наркому, работая в системе Наркомстроя, и получил ответ академика архитектуры Б. М. Иофана, автора проекта и главного архитектора злополучного и лишь задуманного Дома Советов, вместо которого пришлось устроить водный бассейн. Напомним: на месте взорванного храма Христа Спасителя.

Иофан согласился, что нержавеющая сталь “является хорошим материалом” (по контексту письма отца: и заменителем мрамора), но добавил, что она уже применяется. Представляется, однако, что приведённые им примеры неубедительны: отец имел в виду гораздо более широкое применение стали.

И вот ещё одно письмо.

Редактору газеты *Индустрия*, 1 февраля 1939 г.

Изучение культурного прошлого народов, населяющих территорию Союза, интенсивно ведётся во всех областях.

Особую ценность представляет для нас изучение промыслов прошлых веков. По уровню их развития, по механизмам и инструментам, применявшимся при изготовлении тех или иных изделий, мы можем судить о культуре народа, его могуществе, силе, влиянии. Среди этих промыслов обработка металла как показатель высшей стадии культуры занимает, с интересующей нас точки зрения, центральное место.

Между тем, изучение этого наследия ведётся далеко не полно. Огромные количества обнаруженных металлических изделий и в том числе холодного и огнестрельного оружия почти не изучены с точки зрения самого металла и его обработки. А между тем это должно было бы пролить свет на источники сырья, характер и свойства железных и цветных руд, методы их плавки, методы горячей и холодной обработки, термической обработки и т. д., т. е. дать ключ к пониманию многих событий прошлого, в том числе вопросов стратегии и тактики защиты и нападения наших предков.

Даже крупные объекты сравнительно недавнего прошлого плохо изучены. Чёрная металлургия существовала в России много сотен лет. Изделия её славились во всем мире. Уральская чёрная кровля неизменно удостаивалась золотых медалей на мировых выставках прошлого столетия. Между тем, взять хотя бы железо, выплавленное в петровские времена. Оно безусловно высокого качества, но систематически оно никем не изучено. Старые разобранные строения (хотя бы Сухарева башня) содержат много, часто сотни тонн такого металла, но все они попали на склады лома и никем не изучены. Надо заняться этим делом и восполнить недопустимый пробел в наших знаниях.

Хранил отец вырезку из английского журнала с изображением возможно самой крупной в мире отливки, изготовленной в древнем Китае.

Наша принадлежность к избранному народу проявлялась только в том, что раз в году, и то лишь в 1930-е годы, мы ели мацу вместо хлеба, – её в те времена продавали у Елисеева. Так в просторечии продолжали называть по имени прежнего владельца Гастроном №1. В 1990 г., когда наступили новые времена, один из нас (О. Ш.) пошёл в синагогу покупать мацу, и в знак уважения снял кепку ... На идиш мы дома за все годы слышали не более двух или трёх слов.

Приложение № 1

7. Биографии некоторых известных лиц

Антонов-Овсенко Владимир Александрович (1883 – 1938). Родился в семье поручика, революционер с 1901 г., в РСДРП с 1903 г. В 1904 г. окончил юнкерское училище в Петербурге. Во время революции 1905 – 1907 гг. поднимал восстания в армии, за что был приговорён к смертной казни, заменённой 20 годами каторги, откуда бежал. С 1910 г. в эмиграции, с 1914 г. меньшевик-интернационалист. В мае 1917 г. вернулся в Россию и вступил в партию Ленина. Во время Октябрьского переворота секретарь Петроградского ВРК, руководил захватом Зимнего дворца, арестовал Временное правительство. Командующий советскими войсками на Украине в 1917 – 1919 гг., а в 1919 – 1921 гг., имея чрезвычайные полномочия, участвовал в жесточайшем, с применением отравляющих газов, подавлении восстания крестьян Тамбовской губернии. Далее на военной и дипломатической работе.

В 1937 г., в самый разгар Большого террора, нарком юстиции РСФСР, однако в 1938 г. был арестован и расстрелян. [В 1923 г., будучи начальником Политуправления РККА, жёстко протестовал против отстранения Троцкого с некоторых его постов.]

Берзин Ян Карлович (Петерис Янович Кюзис, 1889 – 1938), родился в Яунпилской волости Курляндской губернии, сын батрака-латыша. В РСДРП с 1905 г., за убийство полицейского осуждён, как несовершеннолетний, лишь к 2 годам каторги. В 1911 г. арестован и сослан в Сибирь, откуда бежал. В 1915 г. призван в армию, дезертировал, работал слесарем на заводах Петрограда. В 1917 г. редактор латышской газеты “Пролетариата Циня”, начальник сформированной из латышей и эстонцев охраны Ленина. В 1919 г. замнарком внутренних дел Советской Латвии, затем начальник Особого отдела 15-й армии.

С 1920 г. в Разведуправлении РККА, в 1924 – 1935 гг. начальник 4-го управления этого ведомства, создатель системы военной разведки. Лично завербовал знаменитых советских агентов Рихарда Зорге, для которого сочинил легенду, и Леопольда Треппера. В 1932 г. создатель и начальник Дальстроя, системы концлагерей для использования рабского труда заключённых на Дальнем Востоке. В 1935 – 1937 гг. главный военный советник правительства республиканской Испании. Вернулся в СССР на прежнюю должность начальника Разведуправления, а через полтора года был обвинён в шпионаже и расстрелян. Поставленный ему в Магадане памятник был снесён в 1991 г.

Врангель Пётр Николаевич (1878 – 1928), барон датских кровей, генерал-лейтенант, из потомственных дворян Петербургской губернии, сын директора страхового общества в Ростове-на-Дону. Окончив Горный институт в Петербурге, вступил рядовым в Лейб-гвардии Конный полк, сдал экзамен на офицера и ушёл в запас, чтобы служить в Иркутске чиновником для особых поручений при генерал-губернаторе. После завершения русско-японской войны 1904 – 1905 гг., на которую пошёл добровольцем, окончил Академию Генерального штаба, затем Офицерскую кавалерийскую школу и стал командиром Лейб-гвардии Конного полка. Отличался исключительной личной храбростью. Во время мировой войны повёл свой эскадрон в конном строю в атаку на немецкую батарею (которая полностью выбила предыдущий эскадрон) и захватил её, получив за это орден Св. Георгия 4-й степени. В 1917 г. произведён в генерал-майоры. Не стал сотрудничать со Скоропадским из-за его про-немецкой политики и присоединился к Добровольческой армии Деникина, с которым вступил в конфликт, предлагая считать главнейшей задачей соединение с армией адмирала Колчака через Царицын. Деникин не согласился (хотя Врангель уже овладел этим городом) и приказал наступать на Москву, не имея пространства для манёвра. Кончилось это разгромом, Врангель же подал в отставку и уехал в Константинополь (ныне Стамбул). По просьбе Военного совета белых вернулся в Крым на английском линкоре и стал главнокомандующим вместо Деникина. Провёл в Крыму аграрную реформу: крестьяне получили в собственность землю, которой пользовались, и могли покупать помещичью землю на кабальных условиях: отдавать 20% урожая в течение 25 лет. Большевики заключили перемирие с поляками, направили против Врангеля четверо превосходящие силы и через восемь месяцев “Крымское государство” прекратило существование. В ноябре 1920 г. Врангель вывез около 145 тысяч человек в эмиграцию. Издал в 1927 – 1928 гг. воспоминания о гражданской войне на юге России (*Белое дело*) и книги *Кавказская армия* и *Последний главноком.* Создал Русский Общевоинский союз. Убит в Брюсселе бывшим денщиком – агентом НКВД, который неожиданно посетил его за 10 дней до смерти и, видимо, заразил бактериями сверхострой формы туберкулёза, которым Врангель никогда не болел. Дед Врангеля, барон Фердинанд Петрович (1796 – 1870), адмирал, знаменитый мореплаватель. В его честь названа Земля Врангеля и остров Врангеля.

Деникин Антон Иванович (1872 – 1947), родился в деревне под Варшавой в бедной семье отставного майора пограничной стражи, выходца из крестьян. Мечтал о военной службе. В реальном училище увлекался математикой. Окончил Киевское пехотное училище, а в 1899 г. Академию Генерального штаба. Служил в штабах Варшавского военного округа. В 1898 г. напечатал свой первый рассказ, много писал на военную тему. В русско-японскую войну 1904 – 1905 гг. стал полковником и получил два ордена, а в 1914 г. – генерал-

майором. В мировую войну командовал бригадой, дивизией, корпусом, был начальником штаба верховного главнокомандующего, награждён двумя Георгиевскими крестами и Георгиевским оружием с бриллиантами, стал генерал-лейтенантом императорской свиты. После февраля 1917 г. требовал введения смертной казни как на фронте, так и в тылу. Поддержал мятеж Корнилова, бежал на Дон, создавал Добровольческую армию. После гибели Корнилова – главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России, которые объединили Добровольческую армию, Донскую и Кавказскую казачьи армии, Туркестанскую армию и Черноморский флот. С января 1920 г. по указу Колчака “Верховный правитель Российского государства”. Летом 1919 г. занял Донбасс и захватил Орёл, но не дошёл до Москвы из-за непонимания сложившейся обстановки. Армейские грабежи, насилие, возвращение земли помещикам оттолкнули от него крестьян и вообще всех, кто желал освобождения от большевиков. Деникин был разгромлен, вывел остатки армии в Крым и на английском миноносце уехал с семьёй в эмиграцию. Написал пять томов *Очерков русской смуты*, книги *Старая армия и Офицеры*, с 1936 г. издавал газету *Доброволец*. Гитлера называл “злейшим врагом России” и надеялся, что после его разгрома Красная армия свергнет коммунистическую власть. В 1945 г. призвал США остановить насильственную выдачу русских военнопленных, служивших немцам, в СССР, и, опасаясь возможной высылки, переехал из Англии в США.

Дыбенко Павел Ефимович (1889 – 1938), родился в г. Людкеве Черниговской губернии в бедной многодетной семье. Учился в народной школе и городском трёхклассном училище. Получил работу в казначействе, но был уволен ввиду *неблагонадёжности*, переехал в Ригу и стал портовым грузчиком. За отказ служить в армии арестован и принудительно отправлен на призывной пункт. На Балтийском флоте окончил минную школу, стал унтер-офицером, вступил в партию большевиков, дважды был под арестом за революционную работу среди матросов и солдат. С апреля 1917 г. председатель Центрального комитета Балтийского флота, член Петроградского РК, обеспечил разгон не подчинявшегося Ленину Учредительного собрания. Назначен наркомом по морским делам, командовал отрядом моряков под Нарвой и сдал город немцам, за что был отдан под суд, но оправдан. (Много позже этот бой 23 февраля был объявлен большой победой и Днём Красной армии.) Далее командующий Крымской армией и наркомвоенмор Крымской Советской Республики. Нередко руководил карательными операциями, подавлял Кронштадтское восстание 1921 г. Член специального судебного присутствия, которое в 1937 г. судило Тухачевского и других военных. Отличался, как и его жена А. М. Коллонтай, крайней половой распущенностью, так что Ленин однажды сказал, что самым жестоким наказанием для них была бы обязанность сохранять супружескую верность в течение года. В 1938 г. понижен в должности до управляющего трестом Камлесосплав, связанным с ГУЛАГом. Погиб в Большом терроре.

Зелёный Т. (1886 – 1919), крестьянин, окончил двухклассное училище. За украинофильство сослан на 4 года в Архангельскую область, служил в царской армии. После Февральской революции стал членом райкома партии Независимых украинских социал-демократов в своём селе. Сильный оратор, сформировал дивизию из крестьян и в союзе с Петлюрой выступил против Скоропадского. Приказ Петлюры двинуться против поляков его крестьяне не выполнили и разошлись по домам, он же собрал небольшой отряд, и примкнул к большевикам. Вскоре отверг их политику, поднял мятеж за “селянскую республику” и был объявлен вне закона. Эту республику разгромили войска Деникина, которые изгнали большевиков, а Зелёный погиб.

Иоффе Адольф Абрамович (1883 – 1927), сын богатого симферопольского купца, который считался любимым евреем министра С. Ю. Вите. В конце 1890-х годов стал социал-демократом, в 1903 г. вступил в РСДРП (меньшевиков). В Вене в 1908 г. закончил медицинский факультет. Вместе с Троцким издавал антиленинскую *Правду*. С ними сотрудничал Парвус, талантливый журналист, впоследствии богатый коммерсант, ставшим мостиком между Лениным и германским генштабом. В 1917 г. вместе с Троцким издавал в Петрограде журнал *Вперёд*. В августе 1917 г. вступил в РСДРП (большевиков), член Петроградского ВРК. В 1918 г. был недолгое время председателем, потом консультантом советской делегации в Брест-Литовске на переговорах с немцами о мире, придерживался позиции Троцкого

“Ни мира, ни войны”. С апреля 1918 г. полпред в Германии, содействовал подготовке коммунистических переворотов в странах Европы, за что был выслан в Россию со всем составом полпредства. В 1920 г. возглавлял советские делегации на переговорах с Эстонией, Латвией и Литвой, подписал со всеми этими странами мирные договоры. Участвовал в мирных переговорах с другими странами, полпред в Китае и Австрии. Читал лекции в Московском университете и кафедра, которой он заведовал, была преобразована в Московский институт международных отношений. С 1925 г. вместе с Троцким руководил антисталинской новой оппозицией. Лечиться за границей ему не позволили, и он покончил жизнь самоубийством, что свидетельствовало о поражении Троцкого. В предсмертном письме Троцкому Иоффе написал, что его смерть – протест борца, убеждённого в правильности пути Троцкого. Речь Троцкого на его похоронах стала его последним публичным выступлением в СССР.

Керенский Александр Федорович (1881 – 1970), дворянин, сын директора гимназии в Симбирске (Ульяновске), в которой учился и Ленин. Окончил юридический факультет Петербургского университета, с 1909 г. присяжный поверенный. Оказывал юридическую помощь беднякам и как член петербургской коллегии адвокатов участвовал в комитете помощи жертвам петербургского расстрела демонстрации 9 января 1905 г., в расследовании расстрела рабочих на Ленских золотых приисках. Был одним из инициаторов гневной резолюции петербургских адвокатов о сфабрикованном в 1913 г. в Киеве антисемитском деле Бейлиса, ложно обвинённого в ритуальном убийстве христианского мальчика. Вместе со всеми подписавшими резолюцию был привлечён к суду за “составление и распространение ругательных писем или других сочинений, оскорбительных для высших в государстве мест и лиц”. Был очень подвижен и в донесениях полицейских шпиков проходил под кличкой *Скорый*. Стал очень популярен и за первые годы адвокатской практики выступал почти по всей России. Депутат 4-й Госдумы, с 1915 г. стал главой фракции трудовиков. В нескольких источниках утверждается, что он был одним из руководителей российского масонства. С марта 1917 г. в партии эсеров. Во Временном правительстве был министром юстиции, военным и морским министром, затем – министром-председателем и верховным главнокомандующим. Провозгласил Россию демократической республикой. Свергнут большевиками, с 1918 г. в эмиграции, написал книги *Русская революция, Трагедия дома Романовых* и др. Умер в Нью Йорке.

Коновалец Евген Алексеевич (1892 – 1938), родился в семье украинских преподавателей в селе Жашкив близ Львова, главного города Восточной Галиции в тогдашней Австро-Венгрии. Учился в Львовском университете, стал активистом Украинской национал-демократической партии. Воспитанный в спартанском духе, волевой, не терпящий болтунов, пропагандировал вооружённое освобождение украинских земель. Был мобилизован в армию, дослужился до прапорщика, в мировую войну попал в русский плен. В 1917 г. познакомился с Петлюрой, который присвоил ему звание полковника. Сформировал в Киеве “Галицийско-буковинский курень сечевых стрельцов”, который разбил красногвардейцев в киевских боях 1918 г. и нёс охрану Центральной Рады. После разгрома Петлюры войсками красных Конавалец по его заданию перешёл в Польшу и создал Украинскую военную организацию, которая в 1929 г. стала Организацией украинских националистов (ОУН). С 1921 г. сотрудничал с германской контрразведкой, потом с гитлеровской партией, скрывая это боясь изоляции. ОУН получала деньги, оружие и взрывчатку на разведывательно-подрывную деятельность. “Пусть сегодня мы пребываем на служении немецким чиновникам. Но завтра будет надежда, что с их помощью и под их руководством мы обретём собственную государственность”, писал Конавалец, готовясь к созданию независимой Соборной Украинской Национальной Державы, которая обеспечит свободу торговли, 8-и часовой рабочий день и бесплатное обязательное среднее образование, – но при “национальной диктатуре”, не дающей прав национальным меньшинствам. Создал подпольную сеть на территории Украины, Белоруссии, Польши, которая совершила свыше 60 террористических актов, множество нападений на конторы и банки. Сотрудничал с литовцами, немцами и даже японцами, которым обещал предоставлять разведывательную информацию об СССР. Был крайне опасен,

так что решение о его убийстве принял лично Сталин, который даже обсуждал детали намечаемого террористического акта. Исполнителем был назначен небезызвестный П. А. Судоплатов, который и рассказал о подложенной Коновальцу mine в своей книге *Разведка и Кремль*.

Коссиор (правильнее: Косиор) Станислав Викентьевич (1890 – 1939), родился в семье рабочего-поляка в Польше, в 1902 г. окончил трёхклассное заводское училище, в 1907 г. вступил в РСДРП. По специальности слесарь, создал кружок футболистов для прикрытия подпольной работы. Был в ссылке в Сибири.

В 1917 г. секретарь Нарвско-Петергофского райкома РСДРП(б), комиссар Петроградского ВРК, в 1918 г. нарком финансов Украины, затем председатель Киевского подпольного губкомитета партии. Левый коммунист, противник Брестского мира с Германией. Один из организаторов Коммунистической партии Украины, с 1928 г. её генеральный секретарь. Провёл коллективизацию на Украине, один из главных виновников голода 1932 – 1934 гг., унёсшего 4 миллиона жизней, активно участвовал в репрессиях 1935 – 1938 гг. и в составе тройки приговорил к расстрелу десятки тысяч человек. Правый сталинист, и *Бюллетень оппозиции* (большевиков-ленинцев), издававшийся сторонниками Троцкого, в июне 1930 г. назвал его “жандармом при Сталине”. Это не спасло ни его, ни сосланного в Сибирь его брата-троцкиста Владимира от ареста и смерти в Большом терроре; третий брат арестован не был, умер в санатории.

Орджоникидзе Серго (Георгий? Григорий?) *Константинович* (1879 – 1937), сын мелкого дворянина. Окончил тифлискую фельдшерскую школу, в 1903 г. вступил в РСДРП. Неоднократно арестовывался и ссылался в Сибирь. В 1909 г. направлен бакинским комитетом РСДРП в Персию для помощи повстанцам тамошней революции. В 1911 г. слушатель ленинской партийной школы под Парижем, направлен в Россию для инспекции партийных организаций. Был арестован и заключён в Шлиссельбургскую крепость. В 1917 г. член Петроградского комитета РСДРП(б) и исполнительного комитета Петроградского совета, участвовал в вооружённом восстании. В конце 1917 г. чрезвычайный комиссар по заготовкам хлеба, создал Кубано-Черноморскую республику. Летом 1918 г. при проигранной обороне Царицына сблизился со Сталиным.

Организовал свержение законных правительств Азербайджана, Армении и Грузии и массовый террор против “националистов”. С 1930 г. председатель Всесоюзного совета народного хозяйства. Вяло осуждал крепнущую сталинскую политику террора и застрелился, а скорее застрелен. Все три врача, составители фальшивого заключения о смерти от паралича сердца, были уничтожены, как и все до единого родственники Орджоникидзе. По-иезуитски Сталин переименовал в его честь Владикавказ, железную дорогу и даже Северо-Кавказский край. [В его честь была выпущена и почтовая марка. В БСЭ (3-е изд., т. 18, 1974) причина его смерти не указана.]

Парвус Александр Львович (Израиль Лазаревич Гельфанд, 1869 – 1924), родился в местечке Березино Минской губернии в семье ремесленника. Учился в одесской гимназии, в 19 лет уехал в Цюрих, познакомился там с Плехановым, Аксельродом, Верой Засулич и стал марксистом. Окончил Базельский университет по курсу экономики и финансов, получил степень доктора философии. Переехал в Германию, вступил в социал-демократическую партию, общался с её лидерами. Встречался в Мюнхене с Лениным, который вместе с Крупской не раз бывал у него в гостях. Публицист, автор многих книг, теоретик и практик революционной борьбы. После начала русско-японской войны печатал в ленинской *Искре* статьи, предрекавшие поражение России, что подтвердило его аналитические способности. В 1900 г. совершил поездку по России и предсказал в книге *Голодающая Россия* близость революции. После её начала в 1905 г. приехал в Петербург и вместе с Троцким работал в исполнительном комитете СРД. Троцкистскую теорию перманентной революции на самом деле разработал Парвус. Утверждают, что в Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. именно люди Парвуса спровоцировали бойню, начав стрелять с деревьев Александровского парка по солдатам, стоявшим в оцеплении Зимнего дворца. За революционную деятельность был сослан в Сибирь, по дороге бежал и прибыл в Германию. Там потратил на какую-то даму [на Розу Люксембург] около 130 тысяч марок, причитавшихся Горькому, был судим партийным

судом германской социал-демократии и изгнан из неё. Уехал в Константинополь, стал политическим и финансовым советником турецкого правительства и сказочно разбогател. И Бунич в своей книге *Золото партии* утверждал, что Парвус имел дом в Берлине, особняки и виллы в других странах Европы, собственные банки, владел акциями и т. д. Когда Германия объявила войну России, Парвус призвал российских революционеров способствовать поражению своей родины ради торжества германской (и европейской) социал-демократии. В марте 1915 г. передал германским властям меморандум *Подготовка политической массовой забастовки в России*, согласно которому забастовщики заставят царя отречься от престола, а созданное ими Временное революционное правительство заключит сепаратный мир с Германией. И Ленин довольно точно выполнил этот план! В итоге Парвус получил 2 миллиона марок на поддержку русской революционной пропаганды и ещё 5 миллионов на переброску Ленина и других прозавбавших в Швейцарии российских революционеров в Петроград. Российские и иные антисемиты превратили Парвуса во всемогущее орудие “международного сионизма”.

Петерс Екаб (Яков) *Христофорович* (1886 – 1938), из латышских батраков, рабочий, в РСДРП с 1904 г. В эмиграции с 1909 г., в Лондоне вступил в Коммунистический клуб и Британскую социалистическую партию. В 1910 г. был арестован там и обвинён в вооружённых ограблениях и убийстве трёх полицейских (хотя виновен был его двоюродный брат), затем оправдан. В 1917 г. член Петроградского ВРК, редактор латвийской газеты *Циня*. При организации ВЧК стал помощником председателя и казначеем. Один из главных организаторов чекистских провокаций, например “заговора послов”. Допрашивал английского дипломата Локкарта и разведчика Рейли, затем выступил обвинителем на их процессах. Требовал абсолютной неподконтрольности, чтобы производить “обыски, аресты, расстрелы, давая после отчёт Совету народных комиссаров и ВЦИК”. В мае 1919 г. чрезвычайный комиссар Петрограда, диктатор, организатор расстрела выявленных по телефонной книге бывших сановников, военных, капиталистов, дворян. Далее в Московском ревтрибунале, а в 1922 г. член Коллегии и начальник Восточного отдела ГПУ, в Туркестане руководил арестами, расстрелами, казнями заложников, пытками, конфискациями имущества. Был крайне безжалостен. В 1937 г. стал начальником охраны Кремля, но почти тут же арестован, осуждён и расстрелян.

Петлюра Симон (Семен) *Васильевич* (1879 – 1926), родился в многодетной семье извозчика, учился в духовной семинарии, играл там на скрипке и руководил музыкальным кружком, разговаривал с товарищами только по-украински, защищал евреев как “невинных жертв” (да, было такое!) и был исключён за то, что надерзил ректору. Вступил в Революционную Украинскую партию (РУП). В Киеве сотрудничал в журналах украинофильского направления. Опасаясь ареста, уехал во Львов (тогда принадлежавший Австро-Венгрии), слушал лекции в тамошнем университете. Вошёл в Центральный Комитет Украинской социал-демократической рабочей партии (прежней РУП). В 1905 г. в Петербурге редактировал журнал *Свободная Украина*, с 1912 г. – *Украинскую жизнь* в Москве. В мировую войну – видный деятель Всероссийского союза земств и городов, а после Февральской революции 1917 г. и провозглашения Украинской народной республики (УНР) – её военный министр. Зажигательный оратор, абсолютно штатская личность, он создал антибольшевистский Украинский гайдамацкий кош Слободской Украины и воинскими подразделениями Коновальца подавил восстание рабочих киевского завода “Арсенал”. После захвата власти гетманом Скоропадским был арестован и выпущен под честное слово не выступать против него. Слово тут же нарушил, подняв восстание “Украинской директории”. В декабре 1918 г. занял Киев, сверг Скоропадского, восстановил УНР и начал войну с Советской Россией. Ярый националист, он спровоцировал чудовищные еврейские погромы, поскольку “все евреи – скрытые большевики”. Летом 1919 г. не смог договориться с Деникиным, провалилось и заигрывание с большевиками. Поэтому весь 1920 г. Петлюра в союзе с поляками воевал по всей Украине против советских войск. Был разгромлен, не удалось вступить и в союз с Врангелем, бежал в Польшу, затем в Венгрию и другие страны. В Париже юноша-мститель за еврейские погромы, Шолом Шварцбард, выстрелил в Петлюру зарядом соли синильной кислоты и парижский суд

оправдал убийцу.

Подвойский Николай Ильич (1880 – 1948), родился в семье сельского учителя, ставшего священником, окончил духовное училище, а из Черниговской духовной семинарии был исключён в 1901 г. за антиправительственную деятельность, которой занимался с 1898 г. Член РСДРП с 1901 г., большевик с 1903 г. В 1906 – 1907 гг. в эмиграции. В феврале 1917 г. с помощью солдат захватил дворец балерины Ксешинской для размещения главных партийных учреждений большевиков, с 31 марта руководил их военной организацией. Утром 24 октября вместе с Антоновым-Овсеенко подписал “Предписание №1” о приведении в готовность верных большевикам частей Петроградского гарнизона. Вместе с ним и Г. И. Чудновским составил окончательный план восстания.

Будучи председателем Петроградского ВРК, лично участвовал в захвате Зимнего дворца. С ноября 1917 г. по март 1918 г. нарком РСФСР по военным делам, председатель коллегии по организации РККА. В 1919 – 1923 гг. начальник частей особого назначения – военно-партийных отрядов для проведения карательных операций, включая массовые расстрелы и аресты. Далее занимал второстепенные военные и партийные должности, с 1935 г. на пенсии, не подвергался никаким преследованиям.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879 – 1940), родился в семье зажиточного землевладельца, с семи лет учился в хедере, а с 1888 г. – в реальном училище в Одессе и постоянно был первым учеником. В 1896 г. стал членом Южнорусского рабочего союза. После ареста более двух лет пробыл в тюрьме. В 1902 г. выехал за границу с фальшивым паспортом на имя Троцкого, в Лондоне женился на эмигрантке с Украины Н. И. Седовой (убитый агентами НКВД сын Троцкого носил её фамилию). Ленин после первой встречи оценил Троцкого как “очень энергичного и способного товарища”. До 1904 г. он был меньшевиком, а отойдя от них пытался примирить их с большевиками. В России был арестован и осуждён “на вечное поселение” в Сибири, но бежал с пути. В 1905 г. под псевдонимом был зампределом Петербургского СРД, состоял там вместе с Парвусом. В РСДРП(б) вступил в августе 1917 г. как интернационалист, был введён в ЦК. В 1918 г. в *Правде*, в статье “Октябрьский переворот”, Сталин написал, что “Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством ... Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы ВРК партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому”.

Добавим, что он также выдвинул антивоенный лозунг создания Соединённых штатов Европы, а затем и всего мира и пропагандировал придуманную Парвусом перманентную революцию, которая, начавшись в России, и не прекращаясь ни на один день, должна была охватить всю планету. В 1918 – 1925 гг. – наркомвоенмор, создатель Красной армии, теоретик и практик красного террора, превосходный оратор. В предсмертном “Письме к съезду” Ленин написал о нём “самый способный человек”. В борьбе за власть со Сталиным постепенно терял руководящие посты, был сослан сначала в Алма-Ату, затем выслан, а в 1932 г. лишён советского гражданства. Сумел вывести почти весь свой архив с множеством секретных документов. За границей вёл активную борьбу против сталинского режима и был убит агентом НКВД по личному указанию Сталина, который, не называя автора, использовал множество идей Троцкого. В течение пяти дней мимо гроба Троцкого прошло до 300 тысяч человек.

Фрунзе Михаил Васильевич (1885 – 1925), родился в Пишпекке Семиреченской области в семье военного фельдшера, молдаванина. Окончил гимназию с золотой медалью, вступил в РСДРП в 1904 г. За вооружённое сопротивление полиции дважды в 1909 – 1910 гг. приговаривался к смертной казни, заменённой под давлением общественного мнения 6-летней каторгой и вечным поселением в Сибири. Бежал оттуда и стал руководителем революционных организаций в Минске. После октября 1917 г. занимал высшие армейские должности, в 1919 г. командовал Туркестанским фронтом и разбил армию Колчака, в 1920 г. сверг правительства Хивы и Бухары и жестоко подавил сопротивление местных жителей. При наступлении на Крым приказал шадить пленных и обещал амнистию сложившим оружие солдатам и офицерам армии Врангеля и право эмиграции всем желающим. Был смещён за это и получил выговор от Ленина, посланцы которого (Пятаков, Землячка,

Кун) устроили чудовищную резню пленных. За победу в Крыму награждён Почётным революционным оружием и орденом Красного Знамени. В 1922 г. организовал карательные операции на Украине, уничтожив основные силы повстанцев. В 1925 г. сменил Троцкого на посту наркомвоенмора, стал начальником штаба РККА.

Был особо популярен среди военных, так как низвёл всевластных комиссаров до помощников по политической части и запретил им вмешиваться в командные решения. Не перенёс хирургической операции, на которой особенно настаивал Сталин.

Приложение 2

8. Охота

Отец, надо сказать, был страстным охотником и рыболовом. В 1945 г. он был зам. председателя Московского охотничьего общества, тщетно протестовал против истребления кабанов и лосей, а в 1951 г., вряд ли оставшись в прежней должности, сообщил в горком КПСС о безобразиях в том же обществе.

Через год написал письмо (кому?) о том, что в один район Московской области в 1946 г. переселили 13 бобров (4 погибли при этом!), а к 1952 г. их всех перебили. В 1959 – 1960 гг. написал два охотничьих рассказа для журнала *Охота и охотничье хозяйство*, который их не принял; мы поместили их ниже.

В 1969 г. с согласия Совета военных охотников ознакомился с несколькими их охотничьими хозяйствами, в том числе в Ярославской и Ленинградской областях, представил соответствующий отчёт. Примерно в то же время был председателем одного из охотничьих кабинетов при Центральном всеармейском охотничьем обществе. Собрал библиотечку, вывешивал прогнозы погоды, устраивал беседы о безопасности обращения с ружьями, требовал отчёты об организованных охотах. Короче: высовывался как всегда! В 1970 г. кабинет закрыли.

8.1. Охотничьи рассказы

8.1.1. Об охотничьей этике. Охота – один из самых древних видов спорта. Она требует мужества, выносливости, отваги, сильной воли и ряда других качеств, которые надо в себе создать и воспитывать.

Мы увлекаемся рассказами об охотниках, шедших на медведя один на один с рогатиной да ножом. Не перевелись ещё такие охотники и в наше время. Не так давно повстречал я одного из них в уральских лесах (за Катав-Ивановском к Магнитогорску), уложившего за свою 40-летнюю охоту до 30 медведей и тяжело задранного последним, 31-м.

Опасна ночная встреча с кабаном. Тяжёлые клыки его мгновенно вонзаются в тело охотника, нанося смертельные раны. Немногие охотники в засаде спокойно выдерживают шум и треск движущегося кабаньего стада на болоте. Смертельно опасен одиночка-волк в годы болезни собак и волков бешенством, когда, вопреки инстинкту, он яростно нападает на человека. Опасны и голодные зимние волчьи стаи.

Готова прыгнуть с дерева и перекусить горло охотника и раненая рысь. Нет ни зверя, ни птицы, которая не защищала бы свою жизнь, а зачастую и жизнь потомства, зубами, клыками, ногами, лапами, когтями, клювом, – всем, чем может. Ударом

сильного клюва по голове лебедь, взлетая, топит подплывающую к нему собаку.

Много лет назад я приблизился к сидевшей на озере лебединой семье с двумя покрытыми пухом лебедятами. Сынишка, который был со мной, бросил несколько камешков в их направлении, но нарочито близко от берега, метрах этак в шести – восьми, но этого было достаточно, чтобы лебедь-самец, плававший неподалёку от лебедей, метрах в трёхстах от берега, счёл, что на них нападают. Распушив перья, он поднялся над водой, низко пролетел над озером и с огромной скоростью налетел на меня. Я совсем не ожидал такого нападения и едва успел поставить сынишку позади себя. Сильными ударами суставов крыльев и клюва он едва не опрокинул меня в воду. Ошеломлённый от боли, я с трудом сумел схватить его за шею. Удары крыльев на мгновение стали ещё более яростными. Лебедь удивительно легко вырвал шею из моих рук и улетел прочь.

Нападающий орёл одним ударом своего крючковатого клюва способен пробить череп взрослого человека. В горах встретил я раненого беркута с перебитым крылом. Оно волочилось по камню, но орёл, подпрыгивая на своих сильных ногах, пытался нападать на меня, пуская в ход свои страшные когти и клюв. Только сильные удары по голове останавливали его на время. И так продолжалось всё время, пока я с большими трудностями носил ему мясо и кости. Аккуратно расправлял он своими лапами и клювом бумагу, в которую был завернут его обед, мгновенно проглатывал его и снова нападал.

Поэтому охота не забава. На ней, во многих случаях, встречаются равные противники и неизвестно ещё, чья возьмёт. Даже тогда, когда видимых опасностей на охоте как будто и не так много, они всё же существуют и подстерегают охотника: сидение холодной и дождливой весенней ночью с подсадной уткой на болоте, а иногда в углой долбянке, заведённой в безлистную крону затопленного разливом дерева; долгое неподвижное лежание в шалаше на мёрзлой, покрытой инеем земле в ожидании тетеревиного тока, ночная перебежка по тёмному холодному болотистому лесу, – на глухарином току, облавная охота на волка, многочасовое тропление следов и скидок хитрого зайца – всё это чревато большими опасностями.

Посчастливилось мне как-то убить болотную выпь. Она упала, широко распластав крылья на непроходимом болоте, покрытом тонкой коркой звенящего льда. Лежа на животе, ползком, проверяя каждое движение, я подобрался к ней, схватил, и, когда счёл себя самым счастливым охотником, стал отползать обратно, лёд подо мной проломался, и я, как был в ватной телогрейке и в таких же брюках, оказался в торфяном болоте.

Напитавшаяся водой одежда тянула меня на пятиметровое дно, и только одиночные случайные кочки, оказавшиеся под локтями, некоторое время удерживали меня, пока сами не отрывались. И так, проталкиваясь спиной от одной кочки к другой, потеряв всякую надежду на спасение, отбросив в сторону тростника ружье и шапку, чтобы когда-нибудь случайно кто-либо мог найти их и установить, что кто-то из охотников погиб здесь, я два часа боролся. Обмороженный и почти потерявший сознание,

подобрался к припаю. Полуголый, в майскую тёмную ночь шёл, спотыкался, бежал, полз и снова бежал к дальней деревне, где неделю меня отпаивали всякими травяными настоями. Выпь я принёс с собой, но никто не скажет, что я дешёво её добыл.

Едва ли кто-либо (и я сам в том числе) согласится повторить эту удачную охоту. Кстати, напрасно молва обижает зайца, обвиняя его в трусости и глупости. Он не более труслив, чем всякое иное животное, лишённое других средств защиты кроме быстрых ног, но и он часто мужественно сопротивляется, распарывая лапой брюхо налетающего крупного хищника. Немало и охотников, пострадавших за полу-пренебрежительное отношение к раненому зайцу. И едва ли кто ещё из зверей умеет так ловко, сознательно путать свой след, обрывать его так ловко, что лучшие по чутью гончие теряются и часто возвращаются ни с чем. Заяц – серьёзный противник, и недаром добыть зайца без собаки очень нелёгкое дело, разве только разжиревшего русака, родившегося и заматеревшего у деревенских стогов.

Это всё – опасности, создаваемые птицей и зверем и самой природой. Ну, а опасность для охотника от его же огнестрельного оружия? Сотни, тысячи неосторожных или слишком горячих охотников искалечены или убиты их же собственным оружием. Всё это уравнивает силы и возможности охотника и его дичи. Вот почему с таким уважением относятся к истинному охотнику. Не будь таких неимоверных трудностей и опасностей, будь всё легко, доступно, безопасно и просто – пропала бы вся замечательная прелесть охоты, единоборства человека с животным. Но единоборство должно быть честным, спортивным во всех случаях. Зверь и птица заслуживают полного уважения, и, как во всяком красивом и честном спорте, полагалось бы и на охоте, чтобы охотник пожал лапу лисе или зайцу, а потом только начал охоту.

Если охотник стреляет по сидящему на воде чирку и убивает его, он обязан раздеться и лезть за ним, хотя бы и в ледяную воду. Иначе – зачем было бить и губить животное. Если птица или зверь находится вне убойного выстрела, стрельба означает бессмысленное нанесение болезненной раны, с которой она (он) уйдёт, а возможно медленно и мучительно погибнет или станет жертвой хищника.

Мало почёта принесёт охотнику стрельба по белке где-нибудь возле деревни, посёлка, дачной местности. Сидит такая белка в погожий день на еловой ветке и с любопытством разглядывает своими глазками-бусинками неожиданного пришельца, и вдруг - выстрел. Мало спортивной этики в убийстве в упор неподвижного красивого зверька, украшающего местность. А вот есть же такие охотники, и мы не говорим о промышленниках. В их работе ничего или почти ничего нет от спорта, они убивают на мясо или для промысла. Их снасть – капкан, пасть, рожок, самострел и т. д. К сожалению, не различают ни молодых, ни старых, ни самца, ни самки, ни больного, ни здорового, с выходным или облезлым мехом (шкуркой). Они много теряют, но много и добывают, у них свои труды и свои опасности.

Но вернёмся к спорту. Шёл я как-то в Московской области к месту охоты на уток. Дорога от станции жел. дороги дальняя, на

краю лежавшей по дороге деревни сел отдохнуть. Набежала детвора. Их, как известно, в охотнике всё интересует: на кого и где будет охотиться, какого калибра ружье, какой системы, сколько стволов, Тулка или Зауер, с курками или без них, – словом, очень многое, и многие из них оказывались даже знатоками.

Разговорились и узнал я, что вчерашний день, в первый день охоты, возвращался к станции охотник, который убил 13 уток. Цифра не без страстности уточнялась: кто говорил 11, а кто – 12, но некоторые упорно стояли на своём – 13, сами, мол, считали. Подивился я удаче охотника, а ещё более – разору, который мы причиняем утиному стаду: такую уйму птиц перебил.

Каково же было моё удивление, когда, сидя за самоваром у деревенского егеря, выслушивал рассказ соседки о том, что наемднн выпустила она на речку утиный домашний выводок – мать и 12 утят, и все они пропали. Куда девались – ума не приложит. Так вот где кроилась удача охотника! Без зазрения совести, на речке шириной в 10 метров, под самой деревней, он хладнокровно перебил домашних, разумеется, нелётных утят вместе с их матерью.

Стыдно мне стало за спортсмена-охотника и не только потому, что не отличил он домашних птиц от диких, но и потому, что видел ведь он, что утята нелётные. Как же поднялось у него ружье на такое мерзкое дело – и не один раз – с одного выстрела такой выводок не перебьёшь. Сколько же у нас таких, воспитанных обществами охотников, спортсменов, которые бьют беззащитных хлопунцов, не дожидаясь, чтобы они стали на крыло и могли улететь – бей тогда в лёт, а это уже не так просто. 13 штук в лёт не убьёшь.

Наша вина, что мы воспитали таких охотников-хищников и забыли старую и не создали новой охотничьей этики. Добытчикам мяса или шкуры мы присвоили почётное звание охотника. Тем обиднее, что подобные отвратительные взгляды проскальзывают в печати.

Мышкуют лиса в поле. Приспособилась: впереди идёт трактор, подымает пахотный слой, подрезает мышинные норы, а вслед за ним, осторожно, шагах в 50 идёт лиса и то тут, то там разгребает лапами норку, а то, красиво извиваясь, прыгает и хватает выбежавшую мышь. Полезным делом лиса занимается. Ведь каждая мышь с потомством за лето до 10 килограмм зерна поест и унесёт в подземные кладовые. Трудно даже сказать, чего больше приносит лиса, – вреда, уничтожая боровую, гнездящую на земле дичь и зайцев, или пользы, уничтожая мышшей. Во всяком случае, приносит она не один только вред, и не везде и всегда.

Так вот, случайно наблюдая за охотой лисы, некий охотник решил её добыть и спрятался, дожидаясь её на опушке леса, откуда трактор поворачивал в поле обратно, а вслед за ним и лиса. Увлечённая охотой, она не заметила опасности и поплатилась. Дело было, очевидно, осенью (пахота), лиса ещё не была одета по-зимнему, может, и сроки охоты ещё не наступили, как же звучит эта охота в передаче *Вечерней Москвы*? “Я решил наказать [продолжение утеряно, но смысл ясен. Рукопись 1959 г.]

8.1.2. На лося. Едва забрезжил морозный рассвет, как команда московских охотников подошла к дому лесника, что на краю деревенского погоста. Короткая деловая встреча, и пожилой лесник, всю свою жизнь проживший на краю леса, присоединился к команде.

Пересекли молодой колхозный сад, раскинувшийся на 5 га, небольшое поле и углубились в лес, протянувшийся на десятки километров почти от самой Коломны на север и северо-восток к Орехово-Зуево. Плотной цепочкой прошли через замёрзшие болотца с пониженной густой осокой, небольшие ложбинки и очутились у густых зарослей молодой осины – сечи, избранного места кормёжки лосей. Короткое совещание егеря, начальника команды охотников и лесника. Определены направление загона и линия охотников-стрелков.

Быстрым бесшумным шагом, соблюдая полнейшую тишину, двинулись охотники-стрелки к лесной дороге, пересекающей чащу, молча заняли указанные начальником команды стрелковые позиции в 100 – 150 шагах друг от друга и замаскировались, – кто за толстым стволом дерева, кто за кустом, а кто и впереди зарослей, с которыми сливается фигура охотника. Стрелковая цепь вытянулась по фронту почти на целый километр. В распоряжении охотников ещё несколько минут, и за это время надо успеть бесшумно обрезать мешающие стрельбе ветви деревьев впереди себя и точно определить, где находятся соседи слева и справа.

Ружья заряжены разрывными свинцовыми пулями крупного калибра, одинаково опасными для зверя и для охотника: любая ветка на пути полёта пули может отклонить её от взятого направления иногда на 90° и больше и рикошетом попасть в охотника, неосторожно выдвинувшегося из общей стрелковой линии. Обстрел в густом лесу впереди каждого охотника ограничен парой десятков метров, лишь на открытых флангах поставлены наиболее опытные охотники-стрелки, которым доверен дальний обстрел уходящего в сторону зверя.

Но чу! Вдали едва слышно дважды прозвучал охотничий рог – это загонщики дали знать, что вошли в лес и медленно движутся по направлению на цепь. Стрелки замерли. Ружейные курки переставлены на боевой взвод, сброшена с руки, чтобы не мешать стрельбе, правая рукавица, дула ружей направлены вперёд, откуда ожидается появление вспугнутого зверя. Проходит минута, другая. Полнейшая тишина, только с резким криком пролетает над головой со стороны загона лесная караульщица – сойка, предупреждая всех лесных жителей о грозной опасности.

Белка, где-то сидевшая на земле выискивая жёлуди, взметнулась на ближайшую осину и мягким комочком вытянулась вдоль голого сука. Внимание раздвоилось, невольно наблюдаешь за наивной хитростью маленького зверька, чёрные бусинки-глазки которого поблёскивают с дерева, подозрительно оглядывая непрошенных пришельцев. С трудом отрываешь глаза от притаившейся белки.

Внимание вновь направлено в сторону леса, откуда идёт загон. Вот простучал дятел и неожиданно, в десятке шагов, слетел на замёрзшую лесную лужицу, безуспешно пытаясь длинным

сильным клювом пробить ледяную корку и добраться до обманчиво блестящей воды. Но вот уже слышны сначала слабые, а затем всё более явственные крики загонщиков, О-ГО-ГО, ОЙ-ЛЯ-АА, и постукивание по стволам деревьев.

Решающие минуты. Зверь может показаться в любой момент. Впереди подозрительно зашевелился густой куст, кто-то вошёл в него. Ружье крепко сжато, но стволы слегка подняты вверх: неровен час, нервы напряжены и ружье может “само выстрелить”, а стрелять, не видя зверя, нельзя. И действительно, проходит длинная секунда, и из куста появляется фигура загонщика, оплошно вошедшего беззвучно в куст вблизи стрелковой линии. Но и то верно: целый километр пробирался он по лесу по слабым ориентирам и конечно не мог загодя знать, где стоят стрелки. Тяжела и ответственна работа загонщика в густом лесу.

Снова протрубил охотничий рог: первый загон окончен. Зверь не обнаружен, не видели его и на флангах, и команда переходит на новое место. Но прежде, чем тронуться в путь, быстро прорубая охотничьим топориком ледяную корку в лужице, чем немедленно пользуется сидевший, оказывается, неподалёку дятел, привлечённый блестящими осколками льда. Новички немного приуныли, но слишком легка была бы охота и совершенно не спортивна, если с первого загона подымать зверя.

Переход длинный, пересекаем лесную поляну, входим в подлесок. Вдруг ... шр-ррр. Из молодняка с треском вырываются три тетерева. Не успели ещё насладиться их полётом, как вслед за ними тяжело взлетела пара глухарей. Ружья у всех за плечами, и никто не пытается сорвать ружье и нацелиться в птиц. Таков “закон”: идёшь на лося, все остальные звери и птицы неприкосновенны, независимо от права на охоту на них.

Идёт загон за загонем. Десяток километров леса безуспешно прочёсывается. Небольшой привал, но не успел ещё разгореться разложенный костёр, как надо идти: день короткий. Охота продолжается, исхожен один участок леса за другим, а зверя всё нет.

Вот слабо заметные одиночные следы: слегка примятая мёрзлая лесная трава, кое-где припыленная снегом. Лось проходил. Вот следы коровы, вот – телёнка, а вот след крупного быка, вмёрзший в мягкую землю ещё до морозов, но почему-то рядом с более свежими следами идёт след человека в валенках. Очевидно, кто-то упорно ходил за ними, кто знает, с какой целью, хотя охота на корову с телёнком категорически запрещена.

День подходил к концу. Вдруг до слуха донёсся лай собаки. Где-то неподалёку гончая порывисто и яростно облаивала какого-то зверя. Голос гончей то оставался неподвижным, то перемещался в сторону. Видимо, она наткнулась на лося. Лось ушёл, а вместе с ним и гончая. Прошло немного времени, и в стороне прозвучали три выстрела. Это стреляют егорьевцы (Егорьевск – севернее Коломны, на полпути к Орехово-Зуево), – пытался успокоить охотников егерь, но у каждого мелькнуло тревожное сомнение: зачем егорьевцам забираться на десяток километров от своих лесов, притом с собакой на облавной охоте.

Почему весь день не слышно было их рожка, не видно было следов десятка человек?

Первый день охоты закончился. Охотники вернулись с беспокойным чувством. Их смущали не неудачи дня. Стало ясно, что лось “на ходу”, ушёл из обычных мест, непрерывно кем-то преследуемый, не одиночкой ли браконьером, чей след мы видели в лесу, прекрасно знающим лес и постепенно уничтожающим лосиную семью?

Следующий день принёс новые подтверждения этим грустным предположениям. Ранним утром команда входила уже в лесные массивы километров на шесть южнее вчерашних мест охоты. Загон шёл за загонем, километр за километром уходила команда в глубь леса. Повстречались солончаки – срубленные стволы осины с заложённой внутрь солью и рядом куча мелких сучьев осины. Всё изложено острыми зубами лося и зайцев. Видимо, кто-то, но никак не егерь и не организованный охотник, умело и старательно готовил приманку для лосей. И действительно, кругом помёт лосей, старые лёжки, объеденные ветки молодых сосен.

Внезапно наткнулись на изглоданную тушу лося. У этой туши побывали лисы, еноты, а может быть и волк. Туша сдвинута с места, четыре длинные ноги растасканы в разные стороны. Рога срублены топором. Лось молодой, сильный, едва ли стал жертвой случайного волка. Не воспользовались ли звери делом рук человека? Как бы в подтверждение этому неподалёку найден только что убитый лесной красавец – 11-ти рожковый бык. Браконьер успел только вырезать и унести огромную печень зверя, надеясь, очевидно, в ближайший день-два вывезти его по частям.

Делать в этом районе, очевидно, было больше нечего. Надо возвращаться, тем более, что солнце садилось, а обратный путь немалый, километров 12 до своей деревни, и всё лесом.

Ночью выпал снег. Наступил третий и последний день охоты. Ещё затемно по снежной пороше вереница охотников безмолвно вошла в сказочно-прекрасный лес. На сверкающем белизной снегу чётко отпечатались следы всех лесных обитателей. Широкий лосиный след вёл к безымянной речке.

Б. Шейнин, начальник команды. [Рукопись 1960 г.]

Упомянутые источники

- Троцкий Л. Д. (1997), *История русской революции*, т. 2. М.
Шейнин О. Б. (2010), А. А. Чупров. *Жизнь, творчество, переписка*. Берлин, с. 26.